

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Тольяттинский филиал

**I научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы
правотворчества и правоприменения»**

Сборник материалов

13 июня 2007 года, Тольятти, Россия

Самара
Издательство «Универс групп»
2008

УДК 342
ББК Х620
А 43

А 43   **Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения** : сборник материалов I научно-практической конференции «Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения», 13 июня 2007 г., Россия, г. Тольятти / отв. за выпуск Н.И. Каюткина. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2008. – 96 с.
ISBN 978-5-467-00168-5

В сборнике материалов представлены результаты научных исследований в различных областях науки.

УДК 342
ББК Х620

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 30.06.08

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 4,76. Тираж 100 экз. Заказ № 826

Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс групп»

ISBN 978-5-467-00168-5

© Авторы, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Полянский В.В.</i> «Цена» российской государственности	4
<i>Хачатуров Р.Л.</i> О системе юридической ответственности	9
<i>Медведев В.Г.</i> Современное состояние историко-правовой науки и перспективы ее развития.....	13
<i>Боброва Н.А.</i> Выборы главы городского округа Самара	17
<i>Липинский Д.А.</i> О некоторых разновидностях актов применения юридической ответственности	26
<i>Вершинина С.И.</i> Субъекты уголовно-процессуального принуждения	32
<i>Юдина Т.Ф.</i> Исторические корни современного правового нигилизма в России	39
<i>Кожевников О.А., Вершинина С.И.</i> Обжалование возбуждения уголовного дела в системе прав, обеспечивающих доступ к правосудию.....	45
<i>Гранат М.А.</i> Новая арбитражная и старая судебная практика по «ОСАГО».....	56
<i>Беницкий А.С., Якимов О.Ю.</i> Состояние борьбы с легализацией (отмыванием) преступных доходов в Украине и России	61
<i>Сергеев А.В.</i> О возможности отказа от наследства, принятого формальным способом	65
<i>Рыбалко Ю.И.</i> Меры «страхового» противодействия выводу денежных средств в «теневую» экономику.....	68
<i>Волков В.Э.</i> Обеспечение избирательных прав граждан как элемент компетенции местного самоуправления	72
<i>Романова В.В.</i> Договорная ответственность государства как вид гражданско-правовой ответственности государства	77
<i>Маркова О.А.</i> Некоторые теоретические вопросы договора пожизненного содержания с иждивением.....	82
Сведения об авторах.....	95

«ЦЕНА» РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Российская Федерация определена (обозначена) в Конституции как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1) и, что особо примечательно, как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Приведенные пафосные по своему содержанию нормы Конституции России могут стать реальностью только лишь в том случае, если государство в лице его органов позаботится о наполнении принципов российской государственности конкретными делами, решениями, направленными на воплощение этих принципов в жизнь.

Надо сказать, Конституция дает правовые основания для конкретных решений в части формирования предпосылок построения правового социального государства, закрепляя за органами власти полномочия регулировать общественные отношения в различных сферах, в том числе и в тех, где в наибольшей степени затрагиваются социальные потребности человека. Примером тому служат нормы в ст. 71 Конституции РФ, закрепляющие вопросы ведения Российской Федерации. Речь в частности, идет о праве федерации регулировать основы ценовой политики (пункт «ж»).

В общественном сознании и обыденной практике люди постоянно сталкиваются с ценами на самые разные товары, услуги, сетуя на невозможность контролировать их движение, неясность принципов и методов их установления, на безудержность в опустошении карманов рядовых граждан, живущих, как принято говорить, на одну зарплату. С точки зрения Конституции РФ человек имеет право на то, чтобы его государство («политическая организация граждан») заботилось о нем, выполняло те общие функции, которые в отдельности граждане выполнить не в состоянии (если государство этого не делает, возникает справедливый вопрос – зачем оно нужно?). Для этих целей народ наделяет органы публичной власти обширными полномочиями, предоставляя государственным органам возможность ради общего блага ограничивать эгоистические аппетиты отдельных лиц либо их корпораций, которые стремятся извлечь наибольшую выгоду для себя за счет других членов общества.

Перед государством в области основ ценовой политики как важнейшего направления его деятельности по обеспечению социального благополучия населения в целом (а не только материального благополучия отдельных лиц) стоит весьма сложная задача: гармонизировать публичные и частные интересы.

Как известно, в ценах на товары и услуги отражается общий труд всего населения, трансформирующийся в многочисленные индивидуальные потребности и интересы каждого гражданина, не всегда адекватно отражающие степень личного участия в создании общественного блага. Здесь налицо конфликт интересов общества, государства и личности. И обязанностью государства является забота о разрешении подобных конфликтов наиболее рациональным способом, без социальных потрясений. Одним из таких способов является централизованное государственное регулирование цен на те или иные виды товаров и услуг, имеющих особое значение для обеспечения жизненно важных интересов населения, развития экономической инфраструктуры. Именно поэтому в Конституцию Российской Федерации было внесено положение о праве Российской Федерации определять основы ценовой политики.

До настоящего времени российское государство в полной мере не выполняет свою обязанность законодательного закрепления основ ценовой политики в едином комплексном акте, в котором были бы сформулированы принципы, обозначены сферы и объекты государственного регулирования цен. Тем более печально, что полным ходом идет (если не сказать – заканчивается!) реформа одной из важнейших сфер экономики – электроэнергетики, идут преобразования на железнодорожном транспорте, которые имеют стратегическое значение как для обеспечения безопасности страны, так и для выполнения государством своей социальной функции.

Применительно к железной дороге следует отметить то обстоятельство, что цены на пассажирские перевозки в масштабах огромных пространств предопределяют геополитическое будущее России как целостного государства, заселенного народами современной России. Не секрет, катастрофически разрываются внутренние связи между восточными и западными территориями страны. Это ведет как к нравственной деградации (близкие родственники из-за высоких цен на транспорте, как железнодо-

рожном, так и воздушном, не могут сохранять родственные семейные отношения), так и к экономической, социальной дезинтеграции общества¹.

Представители либерально-рыночной идеологии отвергают государственное регулирование цен, что, отчасти, справедливо. Однако имеются такие сферы, в которых требуется, по крайней мере, введение некоторых законодательных рамок, ограничивающих неудержимое стремление собственников к огромным прибылям.

На проведенных в 2004 году парламентских слушаниях по вопросам электроэнергетики отмечалось, что постоянный рост цен на основные виды топлива на внутреннем рынке существенно опережает рост денежных доходов населения. Участники слушаний признали, что это является опасной тенденцией, которая имеет самые негативные социально-экономические последствия, и что сегодня в Российской Федерации отсутствует эффективная ценовая политика, в частности, эффективная ценовая политика на внутреннем рынке основных видов топлива². Участники слушаний утвердились во мнении, что данные вопросы целесообразно регулировать федеральными законами, подготовка которых сильно затянулась³.

Между тем, в Рекомендациях парламентских слушаний «О законодательных мерах по ограничению роста цен на основные виды топлива на внутреннем рынке Российской Федерации» 24 декабря 2004 года указано, что «в ряде государств (Австрийской Республике, Королевстве Дания, Ко-

---

¹ При этом создается угроза государственной безопасности в силу того, что Сибирь и Дальний Восток ослабляются в демографическом плане. Существующая в настоящее время политика и практика в области миграции населения может привести к замещению российского населения мигрантами, при значительной концентрации которых непременно будут возникать межэтнические конфликты, как это было недавно во Франции, имеет место в Косово. В конечном итоге возникнет и проблема территориальной целостности России.

² <http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/80200011/parlam/241204/index.shtml>.

³ См.: Там же. В Рекомендациях парламентских слушаний отмечено, что в федеральном законе должны быть сформулированы основные принципы ценовой политики Российской Федерации; разграничены полномочия между Федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования цен; определены сферы (виды деятельности), в которых осуществляется государственное регулирование цен; сформулированы общие принципы формирования свободных и регулируемых цен, а также права и обязанности, ответственность субъектов ценообразования, процедуры разрешения конфликтов. В отношении естественных монополий должны быть четко разграничены монопольные и конкурентные виды деятельности, пересмотрен состав информации, поступающей в контролирующие органы.

ролевстве Норвегия, Республике Казахстан, Украине, Республике Беларусь) такие законы, в которых принцип свободы ценообразования претерпевает определенные ограничения в целях обеспечения интересов общества и государства, приняты и действуют»⁴.

Одной из рекомендаций парламентских слушаний Правительству РФ было подготовить и внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «Об основах ценовой политики в Российской Федерации».

Вопросы топливно-энергетического комплекса находятся в центре внимания депутатов Государственной Думы, которые в марте 2007 года провели в г. Тюмени семинар-совещание депутатов – членов Комитета Государственной Думы по энергетике, транспорту и связи, депутатов – членов профильных комитетов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации на тему: «Актуальные задачи развития и законодательного регулирования энергетики в Российской Федерации». В Рекомендациях этого совещания ничего не говорится об основах ценовой политики в области энергетики, забота проявлена лишь о рыночных отношениях в этой сфере. В частности, предложено Правительству РФ «рассмотреть вопрос о внедрении новых рыночных механизмов в ТЭК, в том числе либерализации цен на природный газ и развития биржевой торговли газом, нефтью и нефтепродуктами»⁵.

Однако остается без должного внимания подготовленный еще в начале XXI века специалистами Федеральной энергетической комиссии проект Федерального закона «Об основах ценовой политики в Российской Федерации», актуальность которого не вызывает сомнений. Как уже отмечалось, для принятия такого Закона имеются все основания, поскольку он

---

⁴ Там же. На парламентских слушаниях также отмечалось, что «принято 30 законов субъектов Российской Федерации, определяющих основы ценовой политики и принципы государственного регулирования цен на региональном уровне. Так, в Волгоградской области в 2000 году принят Закон Волгоградской области «О ценовой политике на территории Волгоградской области», в Вологодской области действует Закон «О государственном регулировании цен и тарифов на территории Вологодской области». В Москве в 1997 году принят Закон «О государственном контроле за соблюдением порядка применения регулируемых цен и тарифов, цен и тарифов субъектов естественной монополии». Однако такой уровень законодательного регулирования не может обеспечить действие конституционного принципа равенства граждан, сформировать условия для гармоничного развития экономики всей страны.

⁵ <http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/84200009/doclad.htm>

должен стать правовой базой формирования государственной политики в экономической сфере, инструментом гармонизации публичных и частных интересов, устранения «вкусовых» факторов формирования цен на товары, услуги, обеспечивающих национальную безопасность России, социальное благополучие населения страны.

Позитивный потенциал проекта Закона выражен, прежде всего, в четком определении видов товаров и услуг, цены (тарифы) на которые подлежат государственному регулированию на федеральном уровне, а также на уровне субъектов Российской Федерации. Перечень таких видов товаров и услуг говорит сам за себя: в сфере естественных монополий (комплекс услуг в нефтегазовой отрасли, энергетике, на железнодорожном, речном, морском, воздушном транспорте), в сфере инфраструктурных (жизнеобеспечивающих) отраслей ТЭК, в сфере атомной энергетики и ядерно-промышленном комплексе, в отраслях, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны, экономической безопасности и социальной защиты граждан. К последней группе товаров отнесены продукция оборонного значения, алмазное сырье, драгоценные камни, водка и т.п., протезно-ортопедические изделия. Приведенный перечень сфер экономической деятельности, товаров и услуг, на которые должны быть накинута «государственные вожжи» не оставят равнодушными как «олигархов», прочих деловых людей, так и простых потребителей товаров и услуг естественных монополий и т.д.

Авторы законопроекта проводят линию на создание гарантий эффективной реализации Конституции Российской Федерации, в том числе и в рамках федеративных отношений. Закрепляя за Федерацией значительные полномочия в области основ ценовой политики, законопроект устанавливает конкретные полномочия субъектов Российской Федерации по регулированию цен и тарифов на товары и услуги в соответствующих сферах. Тем самым будущий закон станет дополнительным фактором гармонизации федеративных отношений, а поскольку в этой сфере весьма много различных проблем, актуализируется задача ускорения процесса подготовки и принятия закона.

Между тем, рассчитывать на быстрый и легкий законодательный процесс не приходится. Наоборот, идеология законопроекта (по сути – ограничение свободы и произвола в ценообразовании на товары и услуги) сулит ему трудную судьбу: ожесточенную борьбу, активное лоббирование

интересов монополистов. К этому нужно быть готовым. Общественность должна также проявить заинтересованность в этом законопроекте, так как он затрагивает интересы всех без исключения жителей страны.

В технико-юридическом смысле законопроект не вызывает серьезных возражений. По существу законопроект мог бы быть усовершенствован в части включения в перечень товаров, имеющих стратегическое значение для обеспечения экономической безопасности и социальной защиты граждан, зерна, производимого в Российской Федерации. Определение ценовой политики в отношении зерна диктуется потребностью как обеспечить жителей страны доступным хлебом, так и защитить сельхозпроизводителя от спекулянтов (в известном смысле этого слова). Уже сейчас государство использует метод «зерновой интервенции» для поддержания уровня цен на зерно. Почему бы, усовершенствовав этот метод, не закрепить его в федеральном законе?

Инициатива разработки проекта закона «Об основах ценовой политики в Российской Федерации» правительственным ведомством своевременна, ее следует развивать, поддерживать, поскольку принятие закона диктуется необходимостью совершенствования правовой основы регулирования экономических отношений, эффективной реализации социальных функций государства, укрепления российской государственности в целом.

Р.Л. Хачатуров

О СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В соответствии с понятием социальной ответственности, юридическая ответственность – это обязанность всех граждан, должностных лиц и организаций соблюдать и исполнять предписания правовых норм, а в случае неисполнения обязанности претерпевать предусмотренные правом лишения личного или имущественного характера.

Правовая ответственность предполагает ответственность всех субъектов правоотношений за свои поступки и призвана воздействовать на сознание людей с целью повышения правосознания для обеспечения правомерного поведения. При этом акцент с санкций правовой нормы должен

быть переведен на ее диспозицию с точным определением прав и обязанностей субъектов правоотношений.

Общесоциальная ответственность в сфере правового регулирования прежде всего сопряжена с соблюдением и исполнением юридических обязанностей как меры должностного (необходимого) поведения субъектов. Не зря большинство существующих в науке ее характеристик дается посредством указаний на обязанности. Главное в ответственности – достижение определенного положительного эффекта. Применительно к поведению правообязанных лиц, общесоциальная ответственность проявляется прежде всего в объеме реализации соответствующих юридических обязанностей. В реализации пассивных юридических обязанностей (соблюдение правовых норм-запретов) она выражается в безусловном воздержании от действий, запрещенных юридическими нормами, ибо они фиксируются в виде категорических предписаний, не оставляя обязанным лицам иного варианта поведения.

Позитивная ответственность отражает отношения субъектов права, которые характеризуют процесс осуществления и исполнения прав и обязанностей, основанных на выборе поведения и его оценке с учетом требований правовых норм.

Негативная сторона общесоциальной ответственности, проявляющаяся в случаях невыполнения правовых требований, закреплена в правоохранительных нормах, институтах, отраслях, предусматривающих меру и вид юридической ответственности. При этом в ряде случаев правоохранительные нормы определяют вид негативного поведения и разновидность мер государственного принуждения за деяния, отклоняющиеся от требований правовых норм.

Юридическая ответственность за правонарушение рассматривается в следующей логической связи: норма права – правонарушение – санкция – ответственность. До нарушения правовой обязанности имеется ответственность, но не ретроспективная, а позитивная, которая акцентирует внимание на организующей роли ответственности, побуждающей к исполнению обязанности. Здесь правовая ответственность рассматривается в такой логической связи: норма права – правомерное поведение – правоотношение. Поэтому, чем выше уровень позитивной ответственности, тем меньше оснований для ретроспективной ответственности. Без исследования позитивной ответственности нельзя понять и ответственность негативную.

Юридическая ответственность проявляется не только после правонарушения и основана не только на принудительности права и возможности государственного принуждения. Реальное правомерное поведение субъекта права составляет юридическую ответственность и выступает как удовлетворение тех общественных и личных интересов, ради обеспечения которых устанавливаются нормы права. Юридическая ответственность – сложный, системный, многофункциональный институт отечественного права. Как правовой институт она является частью системы отечественного права. Юридическая ответственность как система состоит из подсистем, которыми выступают отдельные виды юридической ответственности. Количество подсистем в системе юридической ответственности равно количеству видов юридической ответственности. В свою очередь, каждый вид юридической ответственности характеризуется своими подвидами (подсистемами), а подвиды юридической ответственности состоят из совокупности норм юридической ответственности. Первичным элементом в такой системе будет выступать конкретная правовая норма, предусматривающая ответственность за соблюдение и нарушение изложенных в ней предписаний. Юридическая норма предстает общим компонентом всей системы, которая выступает в качестве своеобразной связи элементов в рамках системы другого уровня. Таким образом, систему юридической ответственности можно условно выразить по следующей схеме: юридическая ответственность в целом (как система) – виды юридической ответственности (как подсистемы) – подвиды юридической ответственности (как элементы системы) – норма, предусматривающая юридическую ответственность (как первичный элемент).

Рассматривая систему юридической ответственности, следует иметь в виду различные уровни этой системы. Так, на одном уровне мы отмечаем вид юридической ответственности как ее подсистему, а на другом – как самостоятельную систему. Каждый вид юридической ответственности выступает в качестве самостоятельной системы, но системы другого уровня (на уровне отрасли права). Ее компоненты – подвиды юридической ответственности, закрепляющие ответственность в качественно однородных сферах общественных отношений, т.е. в рамках отрасли права. Например, в рамках административной ответственности можно выделить такие разновидности, как экологическая и таможенная ответственность, которые закрепляют ответственность в однородных сферах общественных отношений. Экологиче-

ская и таможенная ответственность – это не самостоятельные виды юридической ответственности, а разновидности административной.

Система юридической ответственности – это совокупность и взаимодействие норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок. Системное единство юридической ответственности обеспечивается предметом и методом правового регулирования, едиными принципами юридической ответственности. Кроме того, системность юридической ответственности обусловлена едиными функциями, целенаправленным воздействием на однородные общественные отношения сразу всеми видами юридической ответственности. Например, динамика отношений собственности складывается под воздействием как гражданско-правовой, так и уголовной ответственности, так и другими видами юридической ответственности. Незыблемость конституционного строя обеспечивается как уголовной, так и конституционной ответственностью. Признаком системности юридической ответственности выступает возможность привлечения субъекта к нескольким видам юридической ответственности в случае совершения правонарушения.

Классификацию юридической ответственности нужно проводить на уровне ее системы в целом как подсистемы российского права, на уровне вида юридической ответственности, на уровне подвида юридической ответственности и на уровне правовой нормы юридической ответственности. Помимо отраслевого в теории права выделяют различные классифицирующие критерии юридической ответственности: функциональный, целевой, субъективный, субъектный, в зависимости от характера принуждения и вида применяемых мер, в зависимости от вида правоотношений, в зависимости от субъектов, ее применяющих. Критерии классификации юридической ответственности требуют тщательного анализа и определения их приемлемости для выделения подсистем и элементов юридической ответственности.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В современном мире наука занимает приоритетное место в жизнедеятельности любого общества, так как призвана обеспечивать получение и систематизацию стремительно расширяющихся знаний об объективной действительности. Без науки практически стало невозможным динамичное и поступательное развитие естественных и общественных процессов, при этом в нынешнем постиндустриальном мире, наряду с изучением естественных законов, независимых от воли и сознания людей, все большую необходимость вызывает изучение законов, предназначенных для регулирования социальной жизни и обуславливающих поведение и деятельность как отдельного человека, так и организованных человеческих масс.

Как известно, описание, объяснение и предсказание явлений и процессов, протекающих в человеческом обществе, составляют сферу интересов и предмет занятий общественных наук, среди которых важное место занимает наука юридическая. Она изучает право и государство – самостоятельные, но взаимосвязанные сферы общественной жизни. Предметом специального внимания юридической науки являются собственно нормативные законы, изучение их проявления, нужного качества, обеспечения и реализации. Таким образом, значение юридической науки для достойного существования человека трудно переоценить. Не случайно еще в пору античности Цицерон говорил: «Чтобы сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, необходимо изучать науки о праве и государстве» (О государстве I, II, 3).

На современном этапе своего развития юридическая наука, как принято считать, имеет собственную структуру, построенную по предмету изучения, и среди отраслевых юридических наук, наук, исследующих организацию и порядок деятельности государственных органов, международное право и прикладных юридических наук особое место занимают общетеоретические и исторические науки. Такой методологический подход, как представляется, вполне оправдан.

Как известно, предметом теории права и государства являются общие закономерности возникновения, развития и функционирования государст-

ва и права. Теория рассматривает их как целостные социальные институты и изучает общие для всех государственно-правовых явлений и процессов характерные черты. Однако теория права и государства не может отталкиваться от конкретно-исторического, чем занимается история государства и права. Данная наука является своеобразной эмпирической и теоретической базой не только теории права и государства, но и отраслевых юридических наук. По существу все юридические науки являются логическим обобщением конкретно-исторических данных, выработанных исторической наукой о тех или иных государственно-правовых явлениях и процессах, происходивших в пространстве и времени в разное время и в разных странах мира. В данном контексте принцип историзма предстает одним из основных принципов юридического познания, он выводит юридические науки на логический уровень знаний и позволяет увидеть перспективы развития не только отдельных государственно-правовых институтов, но и, очищая исторический уровень знаний от частных и обобщая его, выделить и понять основные закономерности развития общества, права и государства.

К сожалению, не все исследователи, что особенно характерно для молодого поколения ученых, глубоко осознают методологическую значимость принципа историзма и историко-правовой науки, как таковой. Новый исторический опыт с необходимостью влечет за собой определенные коррективы юридической науки. Если этой связью пренебрегать, то юридическая наука остановится в своем развитии и превратится в схоластику, пользующуюся неизменными, закостеневшими, меняющими свою форму, но не сущность и содержание и несоответствующими реальной действительности понятиями и категориями.

Некоторую тревогу вызывает все большее появление на свет публикаций, в которых происходит смешение понятия самой историко-правовой науки и ее предмета, что делает исследования поверхностными и не дает возможности для эффективного развития науки. Так, например, многие ученые в своих работах совершенно правильно анализируют совокупность правовых норм и правовых институтов, регулировавших ту или иную сферу общественных отношений в тех или иных обществах и государствах. Таким образом, изучается предмет исследования, который, к сожалению, не всегда превращается автором в науку, то есть обязательно обобщенное систематизированное знание о какой-либо области человеческой жизнедеятельности или об обществе в целом.

Современный этап эволюции юридических наук характеризуется углубляющейся дифференциацией научного знания. В связи с этим некоторыми учеными предпринимаются, как представляется, не вполне обоснованные попытки выделения в относительно самостоятельные части теории права и теории государства, а соответственно и истории права и истории государства. Сторонники данного подхода объясняют свою позицию необходимостью приблизить российское образование к европейским стандартам, к требованиям и рекомендациям Болонской конвенции и т.д. Изучение истории права предлагается осуществлять в рамках отраслевых наук – история уголовного права, история гражданского права и т.д. Историю государства предлагается передать в ведение государствоведов.

Такой методологический подход, на взгляд автора, не является оправданным и вызван в значительной степени идеологическими соображениями. Как известно, в рамках реальных исторических процессов между государством и правом существовали и существуют (при этом, значительно укрепляясь) органические и реальные связи, и разрывать их в угоду идеологическим соображениям и нормативным вульгаризированным схемам представляется нецелесообразным и ненаучным.

Как наука история государства и права обладает большей методологической значимостью. Любое историко-правовое исследование предполагает наличие конкретного исторически определенного предмета изучения выявления связей этого предмета и рассмотрения его развития во времени. А это, в свою очередь, объективно ведет к значительной политизации данной науки, и зачастую она бывает подвержена различным конъюнктурным тенденциям и целям. Так было в советский период, так, к сожалению, и продолжается в настоящее постперестроечное время.

Как известно, в советский период историко-правовая наука основывалась на марксистско-ленинском понимании правовых явлений и процессов, внедряя в общественное сознание классовый подход к государству и праву и выделяя служебный характер данных интересов по отношению к господствующему классу. Неоспоримой признавалась связь государства и права с общественно-экономической формацией, типизация государств от рабовладельческого к социалистическому и т. д. В настоящее время происходит, как принято считать, эволюционный (по мнению автора – революционный) переход историко-правовой науки от ее марксистского содержания

и формы к немарксистскому направлению научного изучения права и государства.

Данный процесс чрезвычайно труден и противоречив, во многом не последователен и содержит в себе не только объективные моменты, но и значительную долю субъективизма. К сожалению, перемена взглядов на марксизм-ленинизм зачастую ведет не только к деидеологизации историко-правовой науки, что само по себе должно всячески приветствоваться, но в силу конъюнктурных соображений к ее новой идеологизации. Как представляется, нередко отмечается все ценное, что было наработано марксистско-ленинской наукой, которая некоторыми учеными подвергается постоянному остракизму. При этом забывается, что марксистско-ленинский этап развития отечественной юридической науки был обусловлен конкретным условием политико-правовых знаний своего времени и конкретно-историческими условиями жизни западного и российского общества XIX – XX веков.

Как представляется, выработка новых знаний о социалистических и буржуазных государствах, о гуманистических и демократических ценностях, о конституционной законности, о правовом государстве, о приоритете прав личности над правами коллективных образований, в том числе и государства, и т.д., не должна сопровождаться огульным очернением всех марксистско-ленинских положений о праве и государстве. Так, например, при всей практике марксистско-ленинского экономического и классового детерминизма, весьма трудно представить себе тип государства, форму власти и т.д. без глубокого понимания их экономической и социальной основы. Никакой цивилизационный подход и никакая иная современная теория происхождения государства не могут дать такого понимания, потому что право и государство являются такими социальными институтами, которые по своему происхождению и развитию органично и неразрывно связаны с различными классовыми интересами.

Безусловно, марксистско-ленинская государственно-правовая теория была глубоко политизированной. Она больше служила целям и задачам политической борьбы XIX – XX вв., чем требованиям развития науки, в результате чего конкретно-исторические знания, как правило, приобретали характер партийных догм. Но на современном этапе эволюции научного познания нельзя допустить ее новой идеологизации и партизации, но уже с диаметрально противоположным знаком, поэтому, как представляется,

полностью отказываться от марксистско-ленинской концепции права и государства, от глубокого теоретического осмысления роли классов и партий в возникновении и функционировании государственно-правовой материи было бы неверным.

Таким образом, история государства и права в настоящее время, как и вся юридическая наука в целом, переживает сложный этап своего развития. Однако значительная, а зачастую и полная смена идеологических основ и методологических принципов исследования не должна повлечь за собой снижения уровня объективно достоверного знания в научной деятельности. Наоборот, обогащение историко-правовой науки современными знаниями о государстве и праве дает ей возможность активно внедрять новое юридическое мировоззрение в российское общество, а в учебно-воспитательном плане способствовать подготовке формирования юристов новой политической и правовой культуры в духе гуманистических и демократических традиций.

Н.А. Боброва

ВЫБОРЫ ГЛАВЫ ГОРОДСКОГО ОКРУГА САМАРА

Выборы главы городского округа Самара в СМИ окрестили октябрьской революцией. Явка на выборах была даже выше, чем на президентских выборах 2004 года, и превысила 44%.

Народ показал всем властям, вместе взятым, в том числе Генсовету правящей «Единой России», рекомендовавшей кандидатуру действующего главы города, образно говоря, фигуру из трех пальцев. Это и политический реванш победившего лидера регионального отделения РПЖ Виктора Тархова (председателя Самарского облсовета до августовских событий 1991 года). Сущностью всякой революции является новое соотношение политических сил. Именно оно и является итогом нынешней бескровной революции. Силовое поле политики выстраивается в соответствии с новым размещением «магнита», каковым отныне являются Тархов-Ильин-Арсентьев и новая партия крупного капитала, мимикрирующая под псевдонимом «новых левых», «партии трудящихся», «Справедливой России».

Что касается того, как проходили выборы, то, пожалуй, не скажешь лучше самого победителя. Правда, сказано это было Тарховым более двух лет назад в преддверии предполагавшихся, но так и не состоявшихся губернаторских выборов: *«Выборы – это соревнование акул за наибольшее количество планктона и мальков...»* («Эксперт-студия» // «СКаТ», 10.06.2004). В ответ на реплику ведущей: «Не слишком ли цинично?» Виктор Тархов добавил: «Такова голая правда».

Ход выборов был predetermined: 1) ущербным Законом о выборах; 2) высоким антирейтингом действующего главы города, руководившего городом с июля 1997 года; 3) огромным количеством кандидатов, критикующих власть; 4) эффектом тупого угла: если две силы противоположной политической направленности («единороссы» и коммунисты, традиционно поддерживавшие Г.Лиманского) объединяются, то их проценты не только не складываются, но и, наоборот, в итоге результат даже меньший, чем у одной из них. Вот и получил действующий глава в первом туре 22%.

По новому закону требования к кандидатам снижены до безобразия. Если раньше, чтобы стать кандидатом, нужно было собрать 30000 подписей, то по новому Закону Самарской области «О выборах главы муниципального образования и другого выборного должностного лица местного самоуправления», достаточен залог всего в 100 тыс.рублей. Ни один из кандидатов даже не попытался собрать подписи!

Столь маленький избирательный залог исчислен, в свою очередь, исходя из 10% от избирательного фонда, равного всего 1 млн.рублей (а во втором туре и того меньше – всего 200 тыс. руб.). Для небольшого, по численности населения, муниципального образования такой избирательный фонд оправдан. Но для такого крупного мегаполиса, как Самара, численностью полтора миллиона жителей, избирательный фонд в 1 млн. руб. явно недостаточен. По достоверным источникам, лишь одна из участвующих в выборах ФПГ потратила на них более одного млрд (!) рублей. Избирательный фонд превышен в тысячу раз.

На этих выборах создан прецедент безнаказанности избирательных правонарушений. Не только действующая власть безудержно эксплуатировала административный ресурс, но и победители с законом не церемонились.

Вот что в пылу эйфории от победы народного волеизъявления осталось незамеченным. В период избирательной кампании больше всего кри-

тиковались грязные дороги, гнилые трубы и крыши, дороговизна и низкое качество коммунальных услуг, т.е. все то, что называется ЖКХ. Казалось бы, со сменой власти первое, что должно быть сменено, это руководство ЖКХ. Однако глава департамента благоустройства и экологии В.Василенко, ответственный за благоустройство территории и дорог, отопление и т.д., был с почестями оставлен в новой команде, заслужив комплимент «пахаря». Выходит, когда Тархов говорил о том, что «город заплыван, замусорен», имелся в виду кто угодно, только не человек, который отвечает за это?

Прежняя команда больше всего критиковалась за то, что кадры в ней подбираются по принципу личной преданности, а не по деловым качествам. Но и новые назначения никем не апробированы. Обещанные конкурсы на должности муниципальных служащих в новой команде не состоялись. Но, как всегда, победителям пока прощают все. Руководителем правового управления города стала жена зам. председателя горизбиркома Вл.Рязанцева, юрисконсульт техникума. Как говорится, без комментариев... Данное обстоятельство может рассматриваться как форма оплаты услуг зампреда комиссии...

Первый зам. главы Самары, талантливый политик С. Арсентьев начал с того, что осуществил назначения в своем избирательном округе – Октябрьском районе: главой администрации района и его замом стали женщины, причем главой администрации – Анна Верюжская, помощник Арсентьевой. Главой администрации Кировского района стал помощник другого кандидата – Виталия Ильина, избранного после выборов главы города председателем Думы.

Общественности города ничем не доказано, что принципом назначения является не только лояльность.

Первым из журналистов, кто не позволил себе выстроиться в лучезарный строй желающих похвалить победителя, стала, пожалуй, Ирина Лукьянова: «Резкая смена власти, произошедшая в Самаре, обнажила типичную для суверенной российской демократии проблему. Лидеры, приходящие к власти путем «свержения ненавистного режима», наступают на одни и те же грабли. Приходят к власти, формируя собственную команду почти на бегу, наспех, не успев отдышаться после предвыборных баталий. ...Назначения, которые осуществляются в первые победные дни, неизбежно несут на себе печать революционности... Вопрос компетентности ко-

манды вынужденно отходит на второй план. И тем самым закладывается мина замедленного действия под новоиспеченную власть» (Грабли суверенной демократии // «Обозрение», 30.10.06).

* * *

Председатель избирательной комиссии городского округа Самара, который, согласно действующему законодательству, руководит комиссией, формирующей все нижестоящие избирательные комиссии и контролирующей соблюдение законности в них, должен быть образцом соблюдения законности, не проявлять личной заинтересованности в исходе выборов, не допускать высказываний в пользу того или иного кандидата.

Между тем председатель избирательной комиссии Сергей Семченко, выступая на пресс-конференциях, а также в теле- и радиоэфире неоднократно призывал избирателей прийти и проголосовать за *нового мэра*. Именно эта формула вслед за председателем комиссии С.Семченко постоянно применялась журналистами телеканалов «Терра» и «РИО», призывавших прийти и проголосовать за *нового мэра*. Многие из этих журналистов продолжали работать в эфире, в то время как фактически работали на оппонентов действующего Главы города.

19 октября 2006 года Сергей Семченко выступил перед журналистами на очередной пресс-конференции, в которой прямо встал на сторону кандидата В.А.Тархова, оправдав его уход с политического ринга, проведенного между кандидатами Г.С.Лиманским и В.А.Тарховым 18 октября 2006 года известным телеведущим Владимиром Соловьевым.

Сергей Семченко на пресс-конференции сказал буквально следующее: «В принципе, если бы жалоба о превышении предвыборного фонда кандидата поступила, то избирательная комиссия была бы обязана ее рассмотреть, и, скорее всего, кандидата бы сняли» (см.: «Избирком направил запрос «СКаТу» // «Репортер», 20.10.06).

Данное мнение многократно цитировалось во всех СМИ и в Интернет. Оно же многократно излагалось на телеканале «Терра» наиболее яростным оппонентом действующего главы города Ильиным В.А., который назвал телеведущего Вл. Соловьева «киллером» и «подонком».

Вслед за председателем горизбиркома и зампредом городской Думы Виталием Ильиным не соответствующую законодательству информацию о возможном снятии Виктора Тархова с избирательной дистанции повторяли все, указывая на эти официальные источники.

Между тем, по действующему федеральному и областному законодательству кандидата можно «снять», то есть отменить его регистрацию, не позднее чем за пять дней до дня голосования, а заявление об этом подается в суд не позднее чем за восемь дней до дня голосования. Таким образом, 14 октября был последним днем, когда можно было подать заявление об отмене регистрации того или иного кандидата, а начиная со вторника 17 октября 2006 года уже никого нельзя было «снять».

Иными словами, председатель горизбиркома либо не знает действующего законодательства, либо сознательно проявляет симпатии к кандидату, покинувшему политический ринг. Вряд ли можно заподозрить председателя горизбиркома в незнании законодательства. Одного этого высказывания достаточно, чтобы подвергнуть сомнению компетентность и беспристрастность руководителя избирательной кампании.

Данная позиция председателя горизбиркома несомненно оказала влияние на результаты голосования. Аналогичные высказывания принадлежат в период выборов и бывшему главе города, бывшему вице-премьеру России, а ныне уважаемому банкиру О.Н.Сысуеву, который в первом туре выборов высказался в поддержку сразу двух кандидатов – В.Тархова и В.Ильина.

Руководитель агентства общественных коммуникаций «Мастер-Медиа» Валерий Лебедев отмечал за день до голосования: «Кампания перед вторым туром четко делилась на два этапа дебатами. До них происходило явное наращивание достигнутого Тарховым преимущества. Люди почувствовали, что Лиманский не выиграет, и даже стеснялись говорить в ходе опросов, что голосуют за него... Дебаты остановили этот процесс, ситуация выровнялась. В итоге к выборам оба соперника пришли с абсолютно одинаковыми рейтингами. Ситуация была для Тархова хуже, если бы его штабу не удалось удержать ее благодаря «правильным» интерпретациям хода дебатов с подключением таких фигур, как Семченко, Ильин, Сысуев и Миронов. Иначе полученный удар мог вылиться в более катастрофические последствия, а так шансы просто уравнились... В то же время более 40% избирателей до сих пор не определились в своих предпочтениях, и большая часть из них будет принимать решение, за кого голосовать, непосредственно на избирательных участках или по дороге к ним».

Поэтому усиленная агитация за явку непосредственно в день выборов была отнюдь не торжеством демократии и показателем легитимности вла-

сти, как выразился спикер Самарской Губернской Думы В.Ф.Сазонов в день голосования (показано в информсюжете «ГТРК-Самара»), а показателем усиленного затягивания на избирательные участки лиц с таким уровнем правосознания. Кстати, заманивали на избирательные участки, в том числе и 21 октября, в день, когда агитация запрещена, раздачей талонов на товары с 50-процентной скидкой. На талонах – список магазинов, в которых можно отовариться по дешевке, и красноречивая надпись: «Бабло побеждает зло». Заметьте, одним из лозунгов агитации против Лиманского был лозунг «Добро побеждает зло».

Наконец, пресс-конференция В.Тархова, В.Ильина и О.Сысуева состоялась 19 октября в здании Самарской Губернской Думы, в то время как по действующему законодательству органы власти не имеют права давать преимущества тому или иному кандидату и нарушать таким образом закон.

* * *

Председатель горизбиркома неоднократно проявлял ангажированность и допускал ответы на вопросы, находящиеся за рамками правового поля.

Так, С.Семченко позволил себе ответить на следующий вопрос:

– Как вы считаете, кому выгодно, чтобы во второй тур вышло более двух кандидатов?

– На мой взгляд, выход во второй тур трех кандидатов никоим образом не повлиял бы на результат голосования: соотношение между кандидатами не изменилось бы, и социологи здесь могут говорить все что угодно (Семченко Сергей. «На выборах нельзя играть ни с избирателями, ни с законом» // «Репортер», 13.10.2006).

Между тем председатель горизбиркома не должен отвечать на вопросы о том, «кому выгодно», либо ответить на этот вопрос так, чтобы не говорить за избирателей. Совершенно очевидно, что второй и третий кандидаты являются наиболее значимыми оппонентами действующей власти, и выход их обоих во второй тур раздробил бы голоса противников действующей власти, то есть избирателей, голосующих против Г.С.Лиманского.

Поэтому председатель горизбиркома сознательно лукавит, заявляя, что от выхода во второй тур трех кандидатов «соотношение между кандидатами не изменилось бы».

Известно, что Виталий Александрович Ильин как кандидат, занявший третье место, во втором туре не просто призвал своих избирателей голосовать за Виктора Александровича Тархова, но и направил в его пользу весь

финансовый, кадровый и организационный ресурс группы компаний «СОК», выступившей в данной избирательной кампании под брендом «Доброе сердце».

Многочисленные баннеры, листовки и плакаты с призывами «ХВАТИТ! ПРИДИ НА ВЫБОРЫ!», «ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ВЫБОР!», оплачиваемые общественным объединением защиты прав избирателей «Голос» или вовсе анонимно, на самом деле, судя по одной и той же стилистике и полиграфическому почерку, оплачивались все той же группой компаний «СОК».

Курсирующие по всему городу грузовые автомобили с плоскими рекламными баннерами вместо привычных кузовов содержали те же воздействующие на подсознание призывы: «Хватит коррупции! Хватит бюрократии! Хватит чиновничьего равнодушия! Хватит грязных улиц! Хватит бедности!» и т.д. Иными словами, внушалась мысль о необходимости смены действующей власти. В сочетании с бесчисленными аналогичными листовками, как анонимными, так и от имени Виталия Ильина, Олега Сысуева, Общества защиты прав избирателей «Голос», эффект от данной движущейся агитации против действующей власти усиливался многократно.

Избирательная комиссия во главе с С.Семченко ни разу не заинтересовалась, кем и из каких средств оплачиваются эти машины и бесчисленный вал агитации против действующей власти, способный смести любую власть в силу психологических законов многократно внушенного неприятия к ней.

Однако городская избирательная комиссия тут же сделала запрос о том, кем оплачивался телевизионный ринг кандидатов, состоявшийся 18 октября 2006 года, который покинул Виктор Тархов, не пожелав ответить на вопросы Г. Лиманского и Вл. Соловьева (см.: «Избирком направил запрос «СКaTy»).

Не сделал горизбирком и запроса Президенту РФ относительно того, давал ли он согласие использовать его имя в данной избирательной кампании в пользу кандидата от партии «РПЖ» во главе с С.Мироновым и В.Тарховым, когда агитирующая в пользу последнего Людмила Нарусова представлялась в СМИ не иначе, как советник Президента Российской Федерации. Причем агитацию против действующей власти и в пользу РПЖ Людмила Нарусова провела на главном канале Самарской области –

«ГТРК-Самара» в субботу 7 октября 2006 года, то есть в день, когда всякая агитация запрещена.

В этом избирательная комиссия городского округа Самара также не усмотрела нарушения избирательного законодательства.

Иными словами, по многим направлениям наблюдалась явная политическая ангажированность и небеспристрастность избирательной комиссии городского округа Самара и ее председателя С.Семченко. Вопросы эти не поднимались потому, что разрыв между победителем и проигравшим слишком велик – более 15%. При этих условиях доказать, что имевшие место нарушения избирательного законодательства сказались на результатах волеизъявления избирателей Самары, практически бесперспективно.

Ангажированность была характерна территориальным и участковым избирательным комиссиям. По этой причине губернатор Самарской области внес в Самарскую Губернскую Думу законодательную инициативу об изменении Закона Самарской области «О выборах депутатов Самарской Губернской Думы», направленную на изменение порядка формирования участковых избирательных комиссий, которые отныне будут формироваться не территориальными комиссиями, подконтрольными горизбиркому, а окружными избирательными комиссиями, подконтрольными Избирательной комиссии Самарской области, председатель которой, как считается, подконтролен губернатору.

Уникальная явка на выборах главы муниципального округа Самары так напугала правящую фракцию в Госдуме, что в Москве сообразили, что высокая явка, особенно если ее обеспечивать теми методами, как это было в Самаре, способна смести любую власть. И с молниеносной скоростью в рамочном Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» были внесены изменения, отменившие и без того небольшой процент явки, при котором выборы считаются состоявшимися.

В сочетании с исключением из бюллетеней строки «против всех», которое, в свою очередь, накладывается на запрет избирательных блоков и повышение избирательного барьера до 7%, что, в свою очередь, последовало за отменой прямых выборов глав субъектов РФ и отменой одномандатных избирательных округов на выборах в Госдуму, картина свертывания демократических принципов избирательного права получает вполне заверченный вид.

Вот как по этому поводу иронизирует журналист Ирина Подлесова: «Отныне выборы будут признаны состоявшимися, даже если на них явятся только сами кандидаты и члены их семей: у кого семья больше. Тот и победил. Запрещается критика конкурентов на выборах. Запрещается участвовать в выборах лицам, обвиняемым в «экстремизме», к которому теперь относится и критика начальства... Что бы ни говорили разработчики поправок (фракции ЕР и ЛДПР), закон ограничивает участие народа в выборах. Но это их не смущает... И в советское время исход всех выборов зависел от одного голоса – Ленина, Сталина, Брежнева». (Подлесова И. «Вперед в прошлое» // «Обозрение», 20.11.2006).

Помимо прочего, выборы в Самаре настоятельно требуют сделать и еще один вывод: точно так же, как законодательство обязывает кандидатов указывать наличие судимости и двойного гражданства, так же кандидатов следует обязать указывать наличие непогашенных на момент выдвижения долговых обязательств. Дело в том, что на момент выдвижения у депутата Виктора Тархова, бывшего вице-президента «ЮКОСа», был долг, равный 3 млн.\$ (!). Данный долг оказался погашенным сразу же после выборов. Погасили его спонсоры избирательной кампании кандидата, с которыми последний расплачивался после триумфальной победы должностями в администрации города, в результате чего администрация превратилась в своеобразное акционерное общество.

В настоящее время Самарская Губернская Дума по моему предложению готовит инициативу в Государственную Думу РФ о дополнении Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» нормой, в соответствии с которой кандидат обязан указывать в заявлении о своем выдвижении наличие непогашенных долговых обязательств. Если гражданское общество, избиратели имеют право знать о том, каковы доходы кандидата, то вполне логично знать и о том, есть ли у кандидата имущественные долги, а также каковы размеры этих долгов. Нельзя превращать выборы и саму политику в циничный бизнес.

О НЕКОТОРЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Известно, что применение права – одна из его форм реализации, представляющая собой деятельность управомоченных субъектов, осуществляемая в особых процессуальных формах и направленная на реализацию правовых норм. Негативный аспект юридической ответственности может быть реализован только в форме правоприменения. Понятие акта применения юридической ответственности – видовое по отношению к понятию акт применения права. Если быть более точным, можно выстроить понятийный ряд: акт применения права – охранительный акт применения права – акт применения юридической ответственности.

Акты применения юридической ответственности обладают общими и специальными отличительными признаками. Они имеют документальную форму выражения. Причем сама документальная форма включает строго определенную структуру (атрибуты), отступление от которых влечет недействительность акта применения права. В юридической литературе кроме актов-документов выделяют акты-действия. В виде исключения среди актов юридической ответственности можно определить и акты-действия. Так, в ст. 2.9 КоАП РФ определяется, что при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. О полном освобождении от административной ответственности в данном случае можно утверждать лишь с небольшой долей условности, т.к. выносится устное замечание, содержащее осуждение правонарушителя. Само устное замечание выступает актом-действием, реализующим юридическую ответственность.

Акт применения юридической ответственности является решением по конкретному делу о юридической ответственности официального компетентного органа или должностного лица, которого государство уполномочило выносить акты применения права. Причем сами органы, выносящие акт применения юридической ответственности, и органы, которые непо-

средственно применяют меру государственного принуждения, могут не совпадать. Например, любой приговор выносит только суд, а вот исполняют приговор не всегда судебные органы. Это зависит от вида уголовного наказания.

Акт применения юридической ответственности выносится в соответствии с материально-правовой нормой, предусматривающей юридическую ответственность. Основой для вынесения акта применения юридической ответственности выступает материально-правовая норма. В акте содержится указание, какую меру юридической ответственности и в каком объеме необходимо применить к субъекту, ее нарушившему. При этом в акте применения права обязательно указывается, какая именно норма права была нарушена и в чем выразилось данное нарушение. Именно в этом смысле акт применения юридической ответственности выносится в соответствии с материально-правовой нормой. Он в юридической форме констатирует (обязывает) уполномоченного субъекта применить материально-правовую норму. Однако акт применения юридической ответственности органически связан и с процессуальными нормами, т.к. сам процесс его вынесения, те атрибуты (части, структурные элементы), которые он должен содержать, регламентируются процессуальными нормами.

Итак, акт применения юридической ответственности – это официальное решение по конкретному делу, осуждающее правонарушителя, индивидуализирующее права и обязанности сторон правоотношения ответственности и содержащее государственно-властное веление о применении мер юридической ответственности, направленное на индивидуальное регулирование общественного отношения.

Любое определение содержит только наиболее важные признаки понятия. Поэтому считаем необходимым перечислить все признаки актов реализации права, которые их характеризуют: акт реализации юридической ответственности является разновидностью охранительного акта; содержит осуждение правонарушителя и деяния, им совершенного; констатирует наличие правоотношений ответственности; конкретизирует права и обязанности участников правоотношения ответственности; приводит правоотношение ответственности в состояние динамики (движения); выступает процессуальным основанием применения санкции правовой нормы; издается на основе и в соответствии с материальной нормой юридической ответственности уполномоченным органом (должностным лицом); носит

государственно-властный характер и обладает юридической силой, являясь обязательным для исполнения; документально оформлен в соответствии с требованиями процессуальных норм; вызывает изменение правоотношений ответственности и возникновение исполнительных правоотношений, т.е. выступает в качестве правообразующего и правоизменяющего юридического факта; является одним из средств достижения целей юридической ответственности.

Акты применения юридической ответственности, принимаемые органами законодательной власти (в порядке постановки проблемы). Такая постановка вопроса возможна ввиду законодательного закрепления нового вида юридической ответственности – конституционной. Действующее законодательство свидетельствует о том, что законодательные органы наделены полномочиями по вынесению только одной разновидности актов применения ответственности – конституционной. Как меру конституционной ответственности следует рассматривать недоверие Правительству РФ, которое выражает Государственная Дума (ст. 117 Конституции РФ)¹. Согласно Регламенту ГД РФ (ст. 93)² Государственная Дума может вынести Постановление о выражении недоверия Правительству РФ.

Представляют интерес решения о применении мер конституционной ответственности к законодательному (представительному) органу субъекта Российской Федерации. Так, согласно ФЗ РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»³ полномочия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ могут быть досрочно прекращены ввиду его роспуска (ст. 9). В случаях если законодательным органом субъекта РФ приняты нормативно-правовые акты, противоречащие федеральным законам, а представительный орган не принял мер по устранению противоречий, Президент РФ вправе вынести предупреждение представительному органу субъекта РФ. Если в течение трех месяцев со дня вынесения Президентом РФ предупреждения представительный орган не принял мер по исполнению предупреждения, Президент

---

¹ В настоящей работе мы не вступаем в дискуссию о том, является или нет недоверие, выносимое ГД РФ, мерой юридической ответственности.

² См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 года № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

³ Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

РФ вносит в ГД РФ проект федерального закона о роспуске законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ. До настоящего времени законов «О роспуске законодательного (представительного) органа субъекта РФ» принято не было. На наш взгляд, такой закон в случае его принятия будет обладать особой юридической природой. По своей сути это будет не закон, а акт применения юридической ответственности. К такому выводу мы приходим в результате анализа признаков подобного закона. Во-первых, он направлен на единичный случай регулирования общественного отношения (ропуск представительного органа). Во-вторых, для него характерна однократная реализация. В-третьих, он персонифицирован, т.к. имеет конкретного адресата. Как видим, для такого закона, если он и будет принят, в большей степени присущи признаки, свойственные акту применения права. От иных актов применения права его отличает особая процедура принятия, свойственная закону, и особый субъект, который наделен полномочиями по его принятию.

Как акт применения юридической ответственности, принимаемый высшим законодательным органом, следует рассматривать Постановление ГД РФ «О выдвижении обвинения против Президента РФ». Однако сложность этого акта применения права заключается в дальнейшей процедуре его утверждения. Поэтому этот акт нельзя признать принимаемым только Государственной Думой РФ.

Действующее законодательство предусматривает возможность принятия актов применения юридической ответственности органами законодательной власти не только на федеральном, но и на региональном уровне. Например, ст. 98.1 Устава Самарской области предусматривает вынесение губернской Думой недоверия губернатору Самарской области⁴. Решение Самарской губернской Думы о недоверии губернатору Самарской области влечет за собой немедленную отставку губернатора Самарской области и возглавляемой им администрации Самарской области. На основании ст. 88 Устава о выражении недоверия Самарская Дума выносит постановление. Ст. 60 Устава г. Тольятти регламентирует право городской Думы выразить недоверие мэру города, о чем выносятся соответствующее постановление.

---

⁴ См.: Устав Самарской области от 28 декабря 1995 года // Волжская Коммуна. – 2000. – 28 июня. – № 101-102.

Специфика актов применения юридической ответственности, выносимых законодательными органами, заключается в том, что они адресованы высшим должностным лицам государственной власти или же государственным органам и органам местного самоуправления. *Таким образом, в сфере конституционной ответственности законодательные органы выполняют функции, которые им в принципе не свойственны, а именно выносят акты применения юридической ответственности.*

Акты применения юридической ответственности, принимаемые избирателями (в порядке постановки проблемы). Ввиду того что в настоящее время закреплён принцип взаимной ответственности личности и государства, возникает вопрос: а может ли население страны (народ, избиратели) выносить акты применения юридической ответственности? Постановка вопроса весьма своеобразна и ломает представления об общепризнанных признаках актов применения права, т.к. акты применения права исходят от государства или от уполномоченных им органов как носителей государственной власти, в то же время в Конституции РФ указывается: «...носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ» (ст. 3). «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Мерой конституционной ответственности выступает отзыв населением (избирателями) депутатов и иных высших должностных лиц⁵, а любая мера юридической ответственности применима только в том случае, если она находит свое выражение в соответствующем акте.

Современное федеральное законодательство не предусматривает такой меры конституционной ответственности, как отзыв депутата Государственной Думы. Однако эта мера широко представлена в законодательстве субъектов федерации и местном законодательстве. Например, ст. 87 Устава г. Ульяновска предусмотрен отзыв депутата и иного выборного должностного лица (мэра)⁶. Аналогичные меры предусмотрены Уставом г. Тольятти⁷. В ст. 86 (ответственность органов и должностных лиц местного са-

---

⁵ Об отзыве как мере конституционной ответственности подробно см.: Мокеев М.М. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003; Черногор Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.

⁶ Вестник Ульяновской городской Думы. 1999. № 15.

⁷ Тольятти сегодня. – 1998. – 10 дек.

моуправления перед населением) Устава г. Ульяновска указано: «Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед населением реализуется через выражение недоверия, досрочное прекращение полномочий, право отзыва депутатов городской Думы. Полномочия мэра досрочно прекращаются, если на референдуме за это проголосовало более половины избирателей. Полномочия мэра прекращаются на основе решения референдума, и никаких дополнительных актов для его отстранения от должности не требуется. По данным В.Н. Руденко, уже к 1998 г. в 35 субъектах РФ было принято 62 законодательных акта, которые содержали нормы об отзыве⁸. Институт отзыва включен в уставы многих муниципальных образований. Правовой основой этого послужили положения, содержащиеся в пп. 9 п. 1 ст. 8 и в п. 5 ст. 18 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»⁹. Таким образом, само решение референдума будет выступать в качестве своеобразного акта применения юридической ответственности, выносимого непосредственно народом как единственным источником власти в РФ.

Итак, особым субъектом, уполномоченным принимать акты применения конституционной ответственности, выступают законодательные органы, осуществляя тем самым не специфическую для них функцию. Особыми актами применения юридической ответственности являются решения избирателей об отзыве депутата или о выражении недоверия главе органа местного самоуправления, которые принимаются непосредственно избирателями.

---

⁸ Руденко В.Н. Институт «отзыва» и «ропуска» в современном российском законодательстве: практика реализации и проблемы правового регулирования // Журнал российского права. – 2002. – № 4. – С. 45.

⁹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Определение круга субъектов уголовно-процессуального принуждения – важная научная задача, решение которой предопределяет развитие всего института в целом. В уголовно-процессуальной науке данная категория не получила достаточного развития, что позволяет авторам по-разному относиться к перечню этих участников. Так, В.С.Чистякова, давая определение мерам уголовно-процессуального принуждения, указывает, что они применяются «в отношении подозреваемых, обвиняемых и других лиц, участвующих в деле, для предупреждения и пресечения неправомерных действий этих лиц...»¹. По мнению З.Ф.Ковриги, они применяются в отношении участников уголовно-процессуальной деятельности². Более широкий круг субъектов выделяется Ф.М.Кудиным: «В состоянии подчиненности, выражающейся в претерпевании принудительного воздействия, могут находиться различные субъекты: и участники уголовного процесса и иные лица, участвующие в уголовно-процессуальной деятельности, а также и нижестоящие органы, за деятельностью которых осуществляется контроль либо надзор со стороны вышестоящих органов»³.

В работах последних лет субъекты принуждения понимаются более узко. Так, Е.Г.Васильева в своей монографии пишет: «Принуждение возможно в отношении многих участников уголовного судопроизводства. В частности УПК РФ допускает применение принуждения к обвиняемому, подозреваемому, потерпевшему, свидетелю, защитнику, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, понятому, представителям потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, частного обвинителя, а также несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого»⁴. По мнению Э.К.Кутуева, исследовавшего проблемы уголовно-процессуального принуждения в досудебных стадиях, субъектами при-

---

¹ Чистякова В.С., Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения. – М., 1978, с.6.

² Коврига З.Ф., Уголовно-процессуальное принуждение. – Воронеж, 1975, с.30.

³ Кудин Ф.М., Принуждение в уголовном судопроизводстве. – Красноярск, 1985, с.37-38.

⁴ Васильева Е.Г., Меры уголовно-процессуального принуждения. – Уфа, Изд-во БашГУ, 2003, – 136с., с.17.

нуждения являются все вышеназванные участники, за исключением защитника и представителя участника⁵. Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы⁶.

Иное мнение у И.Л.Петрухина, представившего концептуальный подход в разрешении проблем процессуального принуждения. И хотя им не исследуются отдельно субъекты принуждения, перечень последних вытекает из анализа видов и сфер применения уголовно-процессуального принуждения и включает в себя всех участников уголовного судопроизводства, предусмотренных УПК РФ, за исключением защитника и представителя участника.⁷ Разделяет данную позицию и Б.Б.Булатов.⁸

Понимая уголовно-процессуальное принуждение как самостоятельный вид государственного принуждения, реализуемый в сфере уголовного судопроизводства от имени государства специальными должностными лицами, можно выделить прямую связь между применением принуждения и наличием государственно-властных полномочий: только должностное лицо, наделенное государственно-властными полномочиями, способно реализовать процессуальное принуждение. Те участники судопроизводства, на которых государство возлагает исполнение своих обязанностей – органы предварительного расследования, прокуроры и суды, являются субъектами применения процессуального принуждения и реализуют его в отношении лиц, называемых субъектами принуждения.

Для определения круга субъектов принуждения, всех участников уголовного судопроизводства, с учетом специфики уголовно-процессуальных отношений, являющихся по своему характеру властеотношениями, можно условно разделить на две группы:

- а) участники, наделенные государственно-властными полномочиями;
- б) участники, не наделенные государственно-властными полномочиями.

---

⁵ Кутуев Э.К., Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. МВД России. Санкт-Петербургский университет. – СПб, 2004, -40с., -с.5-6.

⁶ См. например: Ахпанов А.Н., Проблемы уголовно-процессуального принуждения в стадии предварительного расследования. – Алматы, 1997, с.38-40; Цоколова О.И., Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем. НИИ МВД РФ. Автореферат на соис.уч.степени к.ю.н., -М., 1995г. и др.

⁷ Петрухин И.Л., Человек и власть. С.231-235.

⁸ Булатов Б.Б., Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. С.42-43.

Согласно Конституции РФ (ст.2), на государство возложена обязанность соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Для исполнения своей обязанности государство создает систему специальных органов и передает им свои полномочия. Дознаватель, руководитель органа дознания, следователь и прокурор, являясь государственными служащими, в полной мере обладают всеми полномочиями государства в части осуществления досудебного уголовного судопроизводства и несут бремя ответственности за результаты своей деятельности. В таком же качестве выступают и суды, осуществляющие от имени государства функцию правосудия. Реализуя свои государственно-властные полномочия по осуществлению судопроизводства, дознаватели, следователи, прокуроры и суды могут тогда рассчитывать на безукоснительное исполнение своих требований, когда каждое их распоряжение, решение будет обязательным для любого субъекта. Гарантией исполнения процессуальных обязанностей является предусмотренная законом возможность применения к недобросовестному участнику мер процессуального принуждения.

Таким образом, представление государственных интересов в сфере уголовного судопроизводства осуществляется через учреждение «специального аппарата в лице особого разряда людей, обладающих публично-властными полномочиями и профессионально занимающихся выполнением функций управления и руководства, ... в том числе путем принуждения»⁹. Правовой статус этих должностных лиц неотрывен от статуса государства. Реализуя государственно-властные полномочия, государственные чиновники теряют свое частное начало, перестают быть отдельными индивидами и выступают от имени государства и в интересах государства. В отношении этих лиц действует *принцип презумпции заинтересованности чиновника* в государственных делах. Именно с этой целью государство вводит особый порядок замещения государственных должностей, исключающий проникновение случайных, не- подготовленных лиц, имеющих собственные, отличные от государства интересы. С этой же целью государство предусматривает периодические аттестации государственных чиновников для проверки соответствия их предъявляемым требованиям. И если происходит сбой в системе органов государственной власти, приводящий к нарушению прав и законных интересов частных лиц, вся ответственность за действия государственных чиновников ложится на государство.

---

⁹ Венгеров А.Б., Теория государства и права, – М.: Новый Юрист, 1998, с.92.

Следовательно, у государства нет смысла принуждать чиновников исполнять свои полномочия. В правовом смысле государство, его госорганы и должностные лица – единое целое, выступающее как единый субъект. Указанный признак уже был отмечен в юридической литературе. Так, В.П.Беляев, характеризуя теоретические аспекты надзорно-процессуального производства, отметил, что «в них прокурор не имеет (не должен иметь!) собственных личных интересов. Его воля должна совпадать с государственной, выраженной в законодательстве»¹⁰.

Именно поэтому законодатель, регулируя процессуальные отношения, исключает лиц, осуществляющих судопроизводство, из числа субъектов принуждения и направляет энергию принуждения на тех участников, которые по своему статусу не являются государственно-властными субъектами.

Однако в науке уголовного процесса преобладает иное мнение. Некоторые авторы, исследующие процессуальное принуждение, выделяют меры, действующие в отношении государственно-властных субъектов. Так, И.Л.Петрухин, рассматривая содержание мер защиты правопорядка как мер, обеспечивающих «реализацию обязанности гражданина в его правоотношении с государством без возложения на него каких-либо дополнительных обязанностей штрафного характера», выделяет в них подвиды (аннулирование незаконных и необоснованных процессуальных актов; частные определения (постановления); отстранение следователя, дознавателя от дальнейшего ведения дела), которые направлены не на гражданина, а на государственно-властных лиц.

Данное несоответствие отразилось и на дальнейших исследованиях, проводимых И.Л.Петрухиным. Говоря об аннулировании процессуальных актов и отмечая их принудительный характер, автор пишет: «Эти правосоставительные санкции *принуждают* следственные органы и суд к проведению доследования и нового судебного разбирательства (кассационного, надзорного производства) по уголовному делу вопреки ранее изложенной позиции о виновности (невиновности) обвиняемого в обвинительном заключении или обвинительном приговоре»¹¹. Такой категоричный вывод далее сглаживается, и автор приходит к убеждению, что данные меры являются санкциями без принуждения, что их «можно назвать принудительными

---

¹⁰ Беляев В.П., Теоретические аспекты надзорно-процессуального производства // Журнал российского права, 2006, № 1, с.98-107.

¹¹ Петрухин И.Л., Человек и власть, с.244-245.

лишь в смысле обязательности исполнения». А вопрос о вине конкретного лица, постановившего незаконный, или необоснованный акт, «как правило, решается позже, за пределами уголовного судопроизводства».

Аналогичная ситуация и по отношению к частным определениям (постановлениям) суда. С одной стороны, по мнению И.Л.Петрухина, это мера защиты правопорядка, т.е. мера принуждения, а с другой – мера, не имеющая принудительного характера. «...Частное определение само по себе не является мерой процессуального принуждения. Оно ни к чему не принуждает. В нем содержится лишь информация о процессуальном правонарушении, с тем, чтобы соответствующий орган государства привлек виновного к дисциплинарной или иной ответственности»¹².

Что касается отстранения лица от ведения расследования, то это, по мнению И.Л.Петрухина, «разновидность государственного принуждения, которое в данном случае направлено на создание благоприятных условий для объективного ведения предварительного расследования». Разделяя эту точку зрения, необходимо уточнить, что используемое здесь государственное принуждение не относится к процессуальному, по своему содержанию оно входит в состав других видов принуждения. Если целью применения процессуального принуждения является обеспечение законного порядка уголовного судопроизводства посредством предотвращения и пресечения неправомерных действий участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство, то применение принуждения к государственным служащим связано с организацией наиболее эффективной, оптимальной системы судопроизводства; с устранением таких звеньев этой системы, которые в силу своих личных характеристик не могут заниматься реализацией государственных полномочий.

После исключения из круга субъектов принуждения участников, обладающих государственно-властными полномочиями, выявился перечень лиц, правомерное поведение которых необходимо обеспечивать процессуальным принуждением – это участники, не наделенные государственно-властными полномочиями, интересы которых могут не совпадать с целями и назначением уголовного судопроизводства. Стихийный характер появления этих участников в сфере процессуальной деятельности предполагает их различное, в том числе и неадекватное поведение; – особенно тогда, когда интересы таких участников идут в разрез с процессуальными целями.

---

¹² Там же, с.245.

Учитывая последнее, законодатель допускает и предполагает возможность применения к ним (так называемым частным лицам), специальных средств, направленных на преодоление их сопротивления. Исполнителем воли государства становится госаппарат, а порядок, основания и условия применения принуждения регулируются правом.

В момент принятия УПК РФ и в течение первого года его действия конкретный перечень этих участников не был закреплен законодателем, что вызвало определенные трудности на практике. В частности, в качестве субъектов процессуального принуждения стали рассматриваться защитники, на которых накладывали денежное взыскание за неисполнение ими своих процессуальных обязанностей. Порочность такого подхода была отмечена в решениях Верховного Суда РФ, указавшего, что наложение денежного взыскания на адвоката законом не предусмотрено¹³. С принятием ФЗ от 4 июля 2003 года, в части 2 ст.111 УПК РФ был закреплен перечень участников, являющихся субъектами процессуального принуждения. Однако считать данный перечень полным и закрытым вряд ли можно. Практика дает нам яркие примеры: новые участники, не упомянутые в главе 14 УПК РФ, становятся субъектами процессуального принуждения. Так, Верховным судом РФ признано законным и обоснованным наложение денежного взыскания на присяжного заседателя в связи с его уклонением от исполнения обязанностей¹⁴.

Вывод, который можно сделать, однозначен: для определения круга субъектов принуждения недостаточно одного критерия – отсутствия государственно-властных полномочий. Немаловажное значение имеет профессиональная принадлежность лица, необходимая для получения им статуса участника. Можно сказать, что при приобретении некоторых процессуальных статусов действует *профессиональный (должностной) ценз*: приобрести статус могут только конкретные должностные лица, или лица определенных профессий. К таким участникам относятся дознаватель, следователь, прокурор, суд (профессиональный судья), защитник. Для них, за исключением защитника, необходимо, чтобы лица замещали соответствующими

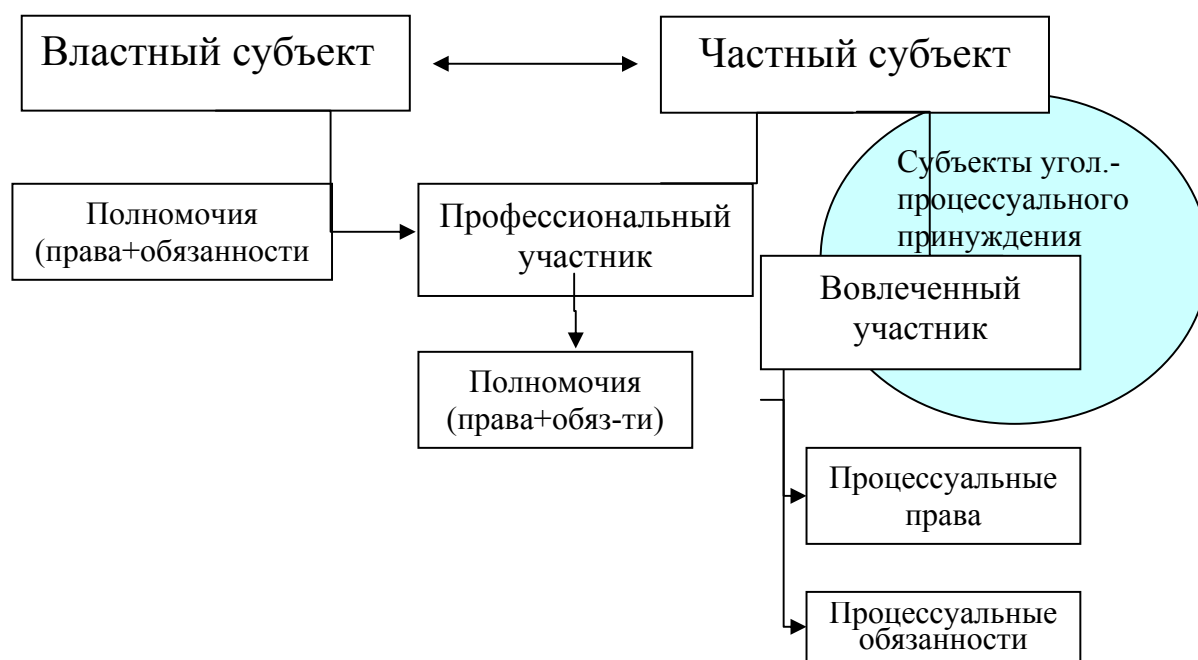
¹³ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ № 15-002-29 по делу Вахтерова // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2003 года. Правовая база «Консультант плюс».

¹⁴ См.: Определение Военной коллегии Верховного суда РФ № 1-011/03 по делу Белецкого // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 1 квартал 2005 года. Правовая база «Консультант плюс».

щие государственные должности. Приобретение статуса защитника предполагает предварительное приобретение лицом статуса адвоката.

Процессуальная деятельность таких участников «наслаивается» на их трудовую, служебную деятельность; зависит от качества профессиональной подготовки; определяет перспективы их карьерного роста и является закономерной для их бытия. Их участие в уголовном судопроизводстве не является стихийным, неожиданным, наоборот, оно носит планомерный, целевой характер. Профессиональные участники судопроизводства сознательно вступают в процессуальные отношения для защиты интересов общества, государства или других лиц и не заинтересованы в создании помех осуществлению судопроизводства, т.к. не имеют собственных интересов. Цели деятельности профессиональных участников согласуются с целями и назначением уголовного судопроизводства. Неисполнение ими требований уголовно-процессуального законодательства вызывает применение дисциплинарных мер принуждения в системе профессионального сообщества.

Таким образом, субъекты уголовно-процессуального принуждения – это лица, не обладающие государственно-властными полномочиями в уголовно-процессуальных отношениях, вовлеченные в уголовное судопроизводство независимо от их воли и желания и относящиеся к результатам расследования либо безразлично, либо с учетом личного интереса.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ

Общество и государство не могут эффективно существовать и развиваться без живого правосознания, на одном только положительном праве. Оно должно соответствовать нашим представлениям о том, что такое право (а что такое неправое). Правопорядок нельзя построить механическим изданием законов вне зависимости от их соответствия правовой культуре. Новые демократические институты права и свободы необходимо соотнести с наличным уровнем правосознания. Между тем современные исследователи все чаще отличают такое негативное явление как правовой нигилизм.

В чем причины этого частого явления? Почему право и его институты вторичны в шкале ценностей?

Одной из важнейших причин является особая роль российского государства в жизни нашего общества. Огромная территория государства, низкая плотность населения, суровый климат, отсутствие хороших дорог не способствовали быстрому складыванию устойчивых социальных связей, формированию сословий, созданию институтов гражданского общества. Сословная структура общества в России оформилась лишь в XVIII в. Отсутствие устойчивых всеобщих демократических институтов способствовало усилению роли государства в жизни общества. Поэтому государственное начало очень скоро вытеснило начало общественное, чему способствовали также бесконечные войны, требующие централизации, усиления власти государства.

В России сформировался изначально самодержавный деспотический характер власти. С момента образования в IX в. древнерусского государства и весь дореволюционный период в России существовала монархическая форма правления. Власть монарха обожествлялась: «Монарх бозе суть»: она была безгранична. «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете ответа дать не должен»¹. Беспредельность, безграничность царской власти наверху, в центре и дефицит этой власти на мес-

---

¹ Артикул воинский, толкование к арт. 20. – Российское законодательство 10-20 веков. Т.4. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1986. С. 331.

тах, который восполнялся местными правителями – судьями, кормленщиками, губными старостами, воеводами, которые, пользуясь удаленностью от центра, сами устанавливали понятия о праве и справедливости. Сосредоточение административных и судебных функций в руках одних и тех же лиц, неотделенность суда от администрации во многом способствовали формированию негативного отношения к суду и судьям не только в народе. «Неуважением к юридическим методам защиты права было пропитано и сознание очень многих и в правительстве»².

Государству не нужны были образованные судьи. Верховная власть с большим опасением проводила судебные реформы, пытаясь всячески контролировать деятельность судей. Известно, что Екатерина Вторая считала профессию юриста лишь предметом корыстных частных интересов, источником ненужных премудростей и сложностей, специально придуманных, чтобы затемнить предписания закона. Поэтому в своем «Наказе Уложенной комиссии» 1767 г. наряду с гуманистическими идеями покончить с пытками и телесными наказаниями Екатерина заимствует у своего любимого автора Чезаре Беккариа идею надзора за судьями; в ст. 178 «Наказа» она прямо указывает: «Где законы ясны и точны, там долг судьи не состоит ни в чем ином как вывести наружу действие»³.

С еще большим недоверием власть относилась к профессии адвоката, которая появляется в России только после введения Судебных Уставов 1864 г. Николай Первый в беседе с кн. Гагариным восклицал: «А кто, князь, погубил Францию, как не адвокаты?», указывая на оппозиционность их к власти в годы Великой Французской революции 1789-1799 гг. Таким образом, профессия юриста не была престижной для российского народа. Долгое время в России не существовало и юридического образования. И только стремительное развитие государства, разрастание чиновничье-бюрократического аппарата, произвол, коррупция государственного аппарата, состояние правосудия заставили правительство заняться вопросами подготовки юридических кадров. И даже открытие в 1755 г. Московского Университета, юридического факультета не изменило отношения в обществе к этой профессии.

---

² Ричард С. Уортман. Властители и судьи. – М., 2004. С.11.

³ Наказ Комиссии для составления нового Уложения ст. 178. Полное собрание Законов Российской империи (ИСЗ-1. №14392).

Один из первых русских профессоров права С.Е. Десницкий не раз говорил о значении не только военной службы, но и гражданской, подчеркивая, что процветание государства в его «изрядном законоположении». Он пытался реабилитировать юридическую науку, отмечая: «Мы не должны ... унижать и называть науку ябеднической, которой знанием защищается святость прав, собственность, владение и жизнь живущих в законе отечественном»⁴. «Знание права поможет дворянину совершать продажу и залоги имений, исполнять роль судьи над крестьянами, вести судебный процесс против соседей, посягающих на его права»⁵.

Однако процесс распространения юридических знаний шел очень медленно. Так, в 1825 г. всего 18 студентов в Санкт-Петербургском университете изучало право⁶.

Беззаконие, беспрепятственно чинимое властями, опасно было не только для подданных, но и прежде всего для авторитета государственной власти. Как справедливо отмечал наш выдающийся государствовед И.А.Ильин, цель государства и его институтов – «... в обеспечении всему народу и каждому индивидууму его естественного права на жизнь и, притом, на достойную жизнь, внешне – свободную и внутренне – самостоятельную»⁷.

Государство должно быть охранителем прав и свобод граждан, должно быть гарантом этих прав и свобод. Однако наша российская действительность с преобладанием крестьянского населения, большая часть которого была закрепощена, являлась собственностью помещиков, служила скорее противоположным целям. Ибо вся власть отождествлялась с насилием, закрепощением, ограничением прав и свобод. Формированию правового нигилизма способствовало и состояние дореволюционного права. В идеале оно должно твориться «мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов»⁸.

В России вся история зарождения и развития права была далека от этого идеала и долгое время связана с правотворчеством членов Боярской думы, дьяков, приказных людей, служилых людей, чиновников, которые,

---

⁴ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / Под ред. С.А. Покровского. – М., 1959. С. 227.

⁵ Там же. С. 229-230.

⁶ Ричард Уортман. Указ. соч.. С. 100.

⁷ И.А. Ильин. О сущности правосознания. – М., 1993. С. 112.

⁸ И.А. Ильин. Указ. раб.. С.24.

как правило, выполняли указ великого князя или царя о принятии новых, требуемых временем, законов. Многие законодательные акты, например великокняжеский Судебник Ивана III и царский 1550 г. были созданы по поручению Ивана III и Ивана IV их слугами; члены Боярской Думы и земского собора создали Соборное Уложение 1649 г. и т.д. Т.е. фактически до XIX века в России законотворческую функцию выполняли не юристы-профессионалы, а княжеские, царские слуги, которые прежде всего соблюдали «государев» интерес. Развивалась прикладная юриспруденция, основанная на казусах, случаях, существующих и возникающих в обществе, которые требовали правового регулирования; отсутствовало научное определение закона, под ним понималась воля монарха; он являлся единственным источником права. Фактически все право было выражено в законе. И только с учреждением в России университетов в XVIII в., развитием юридического образования, мы можем говорить о том, что с XIX в. стала формироваться теоретическая юриспруденция в России, хотя многие правовые памятники XIX в. сохранили черты феодального права. Многие памятники права дореволюционного периода, особенно периода XV – XVIII вв. содержали уголовно-правовые нормы карательной направленности, так, например, Псковская Судная грамота (1462 –1467 гг.) говорит о применении смертной казни в 5 случаях, Судебник 1497 и Судебник 1550 – в 12, Соборное Уложение 1649 г. – в 60 случаях⁹.

Действовало правило «лучше наказать невиновного, чем упустить виноватого», что являлось свидетельством несовершенства и неэффективности всей судебно-правоохранительной системы.

Нормальное правосознание предполагает и знание законов, принятых в государстве. Незнание своих прав, законов ведет к произволу сильного. Народу должно быть доступно знание законов, в противном случае «между народом и правом выдвигается иерархия корыстных посредников, взимающих особую дань за отыскание правоты и обслуживание народной темноту в свою пользу»¹⁰. Издаваемые в России законы в первую очередь касались вопросов суда, управления, правового статуса населения, а также затрагивали некоторые аспекты уголовного и гражданского права. Но особенность этих нормативно-правовых актов в

---

⁹ Развитие русского права в XV- первой половине XVII в. – М., 1986. С. 191.

¹⁰ И.А. Ильин. Указ. раб.. С. 39.

том, что в первую очередь они были адресованы свободным людям. В России, уже начиная с конца XV века, начался процесс юридического закрепощения крестьян, завершившийся окончательным их закрепощением в 1649 г., т.е. громадная масса населения была выведена из-под действия этих законов, ибо для крепостных крестьян законом стала исключительно воля их господина. В период крепостного права крестьяне становятся объектами, а не субъектами права. Правосознание раба – это покорность, унижение, но никак не признание и не уважение к закону. Многие принимаемые законы были зачастую непонятны даже тем, к кому непосредственно были обращены. Например, 19 февраля 1861 г. были подписаны Александром II Манифест об освобождении крестьян и общие положения. Однако они настолько были трудны для понимания бывших крепостных крестьян, что Н.А. Огарев совершенно справедливо заметил: «Книгу в 43 листа двойного ни один безграмотный не прослушает, ни один грамотный не одолеет»¹¹.

Такое законодательство, несовершенное с точки зрения юридической техники, намерено двусмысленное, запутанное, конечно, обслуживало прежде всего интересы помещиков, а не крестьян и не способствовало росту уважения к закону. Личность в России это скорее подданный, нежели гражданин. Законодательные акты, начиная с Русской правды (XI – XII вв.), фактически лишь устанавливают правовые привилегии меньшинства и ограничения большинства населения в области защиты жизни, чести, имущества. Даже привилегированное меньшинство было бесправно перед государством. За совершение ряда государственных преступлений государство наказывало и виновного, и его семью, лишало земли и другой собственности. Лишь только Екатерина II впервые установила законом права дворян на землю и крестьян, которые кстати, даже в случае совершения дворянином государственного преступления, переходили к его наследникам. Были так же дарованы некоторые права другим категориям свободного населения при сохранении полного бесправия крестьян.

Дворяне, горожане получили избирательные права по выборам в сословные органы дворянского и городского самоуправления¹².

---

¹¹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. С.39.

¹² Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. – СПб., 1910. Т3. С. 680-681.

Эпоха великих реформ Александра II (1855-1881 гг.) знаменовала собой создание бессловных органов местного самоуправления. Развитие общественного самоуправления – важнейший путь формирования нормального правосознания, школа воспитания уважения населения к закону. Однако, участие населения в этих выборах, основанных на ряде цензов, привело к тому, что в результате выборов в губернские земские собрания в 1865 – 1867 гг. крестьяне получили 10,6 %, дворяне – 74,2 % мест.

Эпоха контрреформ (80-90-х гг. XIX вв.) сократила представительство крестьян в составе губернских земских собраний до 6,9 % в 1883 г. и усилило представительство дворянства до 81,5 %¹³.

Таким образом, дореволюционная система местного самоуправления традиционно формировалась за счет участия в выборах части народа, а ведь именно наличие избирательных, гражданских прав, развитие форм общественного самоуправления – гарантированность этих прав законом и делает подданных гражданами.

Итак, деспотический характер государственной власти в России обусловил формирование такого уровня правосознания российского общества, характерной чертой которого является правовой нигилизм. Сложился устойчивый стереотип неуважения к праву, закону («Закон что конь, куда хочешь – туда и вороти», «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло» и т.д.), связанный прежде всего с низким качеством законов, их карательной направленностью, недоступностью и неясностью их содержания для населения. Поэтому сегодняшнее проявление правового нигилизма имеет глубокие корни и связано со спецификой развития нашего российского государства и права в дореволюционный период.

---

¹³ Герасименко Г.А. Местное самоуправление в России. – М., 1990. С. 21.

ОБЖАЛОВАНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СИСТЕМЕ ПРАВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

Согласно Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч.3 ст.55). Сфера уголовного судопроизводства, возникающая в связи с совершаемым или совершенным уголовным посягательством на охраняемые Конституцией РФ объекты, полностью согласуется с данными параметрами, и, следовательно, ограничение прав и свобод человека и гражданина при производстве по делу не только допустимо, но и необходимо при определенных обстоятельствах.

Способ и объем ограничения прав и свобод человека при осуществлении судопроизводства определяется централизованно, на уровне специального федерального закона – Уголовно-процессуального кодекса РФ, и распространяется на всех граждан, вовлеченных в судопроизводство. С вступлением лица в уголовный процесс у него, наряду с общеправовым статусом гражданина РФ, появляется специальный процессуальный статус, состоящий из совокупности процессуальных прав и обязанностей. Содержание процессуального статуса зависит от занимаемого гражданином конкретного места в системе участников судопроизводства, но в любом случае, вновь приобретенный процессуальный статус будет корректировать общеправовой статус человека в сторону увеличения обязанностей и введения дополнительных обременений. С этой точки зрения, закрепление процессуальных обязанностей участников судопроизводства – один из способов ограничения общегражданских прав и свобод, используемый государством в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности страны. Другой способ ограничения связан с институтом процессуального принуждения, гарантирующим исполнение участниками процессуальных обязанностей. Законодатель сознательно идет на ог-

раничение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства, создавая условия для эффективной и качественной работы органов расследования и суда. Такие ограничения оправданы необходимостью раскрытия совершенного преступления и охраной прав других лиц и общества от правонарушений.

Начало процессуальной деятельности закон связывает с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, которое принимается только с согласия прокурора и может быть обжаловано, в соответствии с УПК, надзирающему и вышестоящему прокурору. О возможности обжалования постановления в суд закон прямо не говорит, что явилось основанием для обращения гражданина В.К.Борисова в 1999 году в Конституционный Суд РФ. Рассмотрев жалобу, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что само по себе возбуждение уголовного дела не приводит к ограничениям прав лица и является формальным моментом, позволяющим применять процессуальное принуждение¹. Постановлением № 5-П от 23 марта 1999 года Конституционный Суд не просто ограничил права лиц на обжалование в суд постановления о возбуждении уголовного дела, а ввел юридический запрет на принятие судом к рассмотрению указанных жалоб.

С принятием УПК РФ в конце 2001 года право на обжалование постановления о возбуждении уголовного дела также не получило нормативного закрепления. Однако 27 декабря 2002 года Конституционный Суд РФ принял определение № 300-О, содержание которого противоречит указанному выше постановлению № 5-П и расширяет объем процессуальных прав и полномочий участников судопроизводства в части возможности обжалования постановления о возбуждении уголовного дела. Согласно позиции Конституционного Суда, лицу, в отношении которого принято решение о возбуждении уголовного дела, самим этим решением может быть причинен ущерб конституционным правам и свободам. Соответственно нормы УПК, определяющие порядок обжалования решения о возбуждении уголовного дела, «должны интерпретироваться как не препятствующие лицу, подозреваемому в совершении преступления, обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела».

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П от 23 марта 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 133, ч.1 ст.218 и ст.220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и ООО «Моноком» // Официальный сервер Конституционного Суда РФ.

С момента официального опубликования данного определения и по сей день, растет активность участников судопроизводства по обжалованию постановлений о возбуждении уголовного дела. Суды принимают к рассмотрению жалобы и проводят судебные заседания в порядке ст.125 УПК РФ, хотя в этой норме конкретного указания на возможность обжалования постановления о возбуждении уголовного дела нет. Чем же руководствовался Конституционный Суд РФ, и является ли его позиция правильной и обоснованной?

Мотивируя необходимость и конституционность такого решения, Конституционный суд указывает, что непредоставление подозреваемому прав на судебное обжалование постановления о возбуждении уголовного дела «ограничивает для таких лиц возможность защищать в суде свои права и законные интересы, а значит, затрудняет доступ к правосудию»².

Из этого следует, что право подозреваемого на обжалование постановления о возбуждении уголовного дела напрямую связано с его правом на доступ к правосудию. Такая точка зрения нам представляется ошибочной. Право на доступ к правосудию – четко выраженное конституционное положение, закрепленное в ст.52 Конституции РФ. Если буквально понимать конституционную норму о доступе к правосудию, то речь идет не о гражданах или лицах, а о специальных субъектах – потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Только этим лицам государство обеспечивает доступ к правосудию и как следствие – компенсацию причиненного ущерба. Расширение круга субъектов этого права, происшедшее в ч.1 ст.125 УПК РФ посредством замены термина «потерпевших» на «граждан», в том числе за счет включения в понятие «граждан» лиц, подозреваемых в совершении преступления, – нецелесообразно и противоречит Конституции РФ. В этом смысле ч.1 ст.125 УПК РФ не соответствует ст.52 Конституции РФ и должна быть признана неконституционной. Подозреваемый и потерпевший в уголовном процессе – разнополярные участники, их процессуальные статусы четко обозначены нормами УПК и никогда не совпадают в рамках одного уголовного дела. Само возбуждение уголовного дела является началом реализации права потерпевшего на доступ к пра-

---

² Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2002 года, № 300-О по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 УПК РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда РФ и жалобами ряда граждан // Правовая база «Консультант+»

восудию и не может быть прервано по желанию подозреваемого. Это не означает однако, что для подозреваемого доступ к правосудию закрыт или ограничен. Правосудие для подозреваемого становится доступным именно с момента приобретения своего статуса, позволяющего принимать активное участие в защите от необоснованного обвинения и осуждения. Такой подход оправдан тем, что основанием возбуждения уголовного дела является установленная достоверно причастность подозреваемого к совершению уголовно наказуемого деяния.

Нельзя рассматривать подозреваемого на момент возбуждения уголовного дела и в качестве потерпевшего от злоупотреблений властью, даже если он считает возбуждение уголовного дела в отношении себя незаконным и необоснованным. Злоупотребить властью – значит умышленно использовать служебное положение вопреки интересам службы, в корыстных или иных личных интересах³. Поставить признание этого факта в зависимость от мнения подозреваемого недопустимо, так как практически каждый подозреваемый, обвиняемый не согласится с законностью возбуждения уголовного дела. Более того, в системе российского права существует механизм признания лица потерпевшим от злоупотреблений властью и компенсации причиненного ущерба, как в гражданско-процессуальном, так и в уголовно-процессуальном порядке⁴.

Следующим аргументом Конституционного Суда является утверждение о том, что приобретение лицом статуса подозреваемого в связи с возбуждением уголовного дела связано с причинением ущерба его конституционным правам и свободам. Прежде всего, хочется отметить нелогичность позиции Конституционного Суда. В ч.1 ст.125 УПК РФ законодатель, формулируя предмет судебного обжалования, использует разделительный союз «либо», предполагая, что в судебном порядке могут быть обжалованы такие действия и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам лица, либо затруднить доступ граждан к правосудию. По смыслу закона, причинение ущерба конституционным правам и свободам лица исключает ограничение доступа к правосудию, и наоборот.

---

³ Большой юридический словарь, -М., Инфра-М, 2000, с.210.

⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс, гл.25; Федеральный закон об обжаловании в суд незаконных действий и решений должностных лиц, 1993 года; а также глава 49 УПК РФ.

О каких же правах и свободах подозреваемых идет речь в этом случае? Для ответа обратимся к особому мнению судьи Конституционного суда РФ А.Л.Кононова, высказанному при принятии постановления № 5-П от 23 марта 1999 года. «Возбуждение уголовного дела не просто по факту преступления, но и в отношении конкретного лица, не только затрагивает достоинство, честь, репутацию, доброе имя гражданина, но и ставит его в положение подозреваемого, делает реальной угрозой дальнейшего ограничения его прав и свобод». Следовательно, речь идет о праве гражданина на доброе имя, честь, достоинство и незапятнанную репутацию, которым, по мнению А.Л.Кононова, в случае возбуждения уголовного дела причиняется существенный ущерб, хотя юридически, с точки зрения права, такой ущерб отсутствует. Наоборот, принцип презумпции невиновности надежно защищает обвиняемых, подозреваемых от необоснованных, незаконных утверждений об их виновности. Сам процесс расследования осуществляется в условиях скрытности, тайны, что также служит гарантией защиты прав участников судопроизводства.

О реальности угрозы «дальнейшего ограничения прав и свобод» после возбуждения уголовного дела, говорит судья Т.Г.Морщакова, отстаивая необходимость судебного обжалования: «...не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность нарушают неприкосновенность личности, в том числе оказывают психическое давление на сознание и поступки человека. Это в полной мере относится к акту возбуждения уголовного дела, всегда связанному с созданием такой опасности, в том числе с угрозой произвольного превращения лица из свидетеля в подозреваемого»⁵.

Предлагаемая здесь аргументация имеет ряд недостатков. Прежде всего непонятно, почему заложенная в процессуальном решении потенция ограничения прав и свобод граждан оказывает психическое давление только на одного участника судопроизводства – подозреваемого, и то, только в случае, если он стал подозреваемым именно в связи с возбуждением уголовного дела, а не в связи с задержанием или применением меры пресечения. Ведь не секрет, что в рамках расследования по уголовному делу допускается применение процессуального принуждения к большому кругу участников, перечисленных в ст.111 УПК РФ, а также к лицам, не являю-

---

⁵ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Т.Г.Морщаковой к Постановлению Конституционного Суда РФ № 5-П от 23 марта 1999 года // Официальный сервер Конституционного Суда РФ.

щимся участниками по уголовному делу (например, к собственнику квартиры, где проводится обыск). Значит, признавая за постановлением о возбуждении уголовного дела такую способность, необходимо всем этим лицам предоставить право на его судебное обжалование.

Другой недостаток связан с противоречивостью позиции Т.Г.Морщакковой, по мнению которой при возбуждении уголовного дела есть угроза «произвольного превращения лица из свидетеля в подозреваемого». Если такая угроза действительно имеет место, то к возбуждению уголовного дела она не имеет отношения, так как свидетель появляется уже после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В этом смысле было бы логично сторонникам идеи судебного обжалования развить и дополнить ее, предложив ввести судебное обжалование постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В процессуальном смысле эти постановления – о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, и о привлечении лица в качестве обвиняемого (особенно, если до этого лицо имело статус свидетеля), – являются документами, с вынесением которых появляется возможность применения принуждения и к подозреваемому, и к обвиняемому.

Что касается гарантий защиты конституционных прав, то в этом случае законодатель в ч.2 ст.29 УПК указал перечень действий и решений, действительно ограничивающих конституционные права участников, и поставил их производство под контроль суда. Следовательно, все другие процессуальные действия и решения не связаны напрямую с конституционными правами участников и проводятся на основании решения органа, ведущего расследование, либо с санкции прокурора. Статья 29 УПК и есть то «мерило», по которому можно разграничивать конституционные и неконституционные права.

Еще одним аргументом необходимости судебного обжалования является, по мнению Конституционного Суда РФ, то что нарушенные при возбуждении уголовного дела основные права и свободы нельзя восстановить при разрешении дела по существу.

С точки зрения уголовно-процессуального права, постановление о возбуждении уголовного дела – единственное основание для начала предварительного расследования. По своему значению оно имеет констатирующий характер: официально устанавливается наличие, несомненность преступления и сообщается о начале процессуальной деятельности по

осуществлению уголовного преследования. Независимо от того, указано в постановлении лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело, либо дело возбуждается по факту совершения преступления, правовой характер постановления одинаков: государство, в лице своих правоохранительных органов, объявляет о начале уголовного преследования в отношении уже установленного лица, либо лиц, подлежащих установлению.

Если дело возбуждено в отношении конкретного лица, последний становится подозреваемым и приобретает соответствующие процессуальные права и обязанности, перечень которых определен законом. На формальный, процессуальный характер постановления о возбуждении уголовного дела появление подозреваемого на первой стадии судопроизводства влияния не оказывает. Выделение в теории и практике отдельного вида постановления – о возбуждении дела в отношении конкретного лица, продиктовано, по нашему мнению, соображениями защиты прав подозреваемого, созданием условий для своевременной и эффективной реализации им права на защиту. Нормативное положение о приобретении лицом статуса подозреваемого при возбуждении в отношении его уголовного дела, не известное УПК РСФСР, является дополнительной гарантией соблюдения прав и свобод человека и позволяет обеспечить право на защиту на начальных этапах расследования. Именно поэтому, на наш взгляд, закон не различает постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, от постановлений, вынесенных по факту совершения преступления.

Различия в этих видах постановлений производны от юридической квалификации преступления и от этапа осуществления уголовного преследования. Так, по первому критерию – квалификации преступления, все постановления о возбуждении уголовных дел можно разделить на две группы: 1) уголовные дела, которые могут быть возбуждены только в отношении конкретного лица и никак иначе; 2) уголовные дела, возбуждаемые либо по факту, либо в отношении установленного лица. Признав верной позицию Конституционного Суда о возможности обжалования в суд постановлений, вынесенных в отношении конкретного лица, можно отметить различный объем процессуальных прав подозреваемых. Те подозреваемые, которые приобрели свой процессуальный статус в связи с возбуждением уголовного дела, имеют право на обжалование самого факта возбуждения

уголовного дела; остальные подозреваемые этого права лишены. Вряд ли такое различие оправдано и отвечает целям судопроизводства.

На практике участники судопроизводства стали использовать различия в правах подозреваемых с учетом собственных интересов. Так, следователи, даже при установлении виновного лица, возбуждают уголовное дело по факту совершения преступления, без указания лица, его совершившего, а защитники – обжалуют такие постановления и требуют указывать в постановлении данные о виновном лице. Например, по уголовному делу по обвинению К. в преступлении, предусмотренном п. «б» ч.2 ст.199 УК РФ, в постановлении о возбуждении уголовного дела указано, что «лица, выполняющие управленческие функции в ООО «Соло» совершили уклонение от уплаты налогов и сборов путем внесения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений». По мнению защитника, «такие лица следствию достоверно известны, однако следствие возбуждает дело в отношении неустановленных лиц, тем самым исключает возможность лиц, выполняющих управленческие функции в ООО «Соло», осуществлять право на защиту с начала следствия и затрудняет им доступ к правосудию»⁶.

Осуществление уголовного преследования всегда связано с обнаружением лиц, совершивших преступление, которое оформляется различными процессуальными документами, в зависимости от стадии и этапа расследования. При установлении виновного лица в ходе проверки сообщения о преступлении процессуальным документом, оформляющим статус лица, причастного к преступлению, является постановление о возбуждении уголовного дела. Если доказательства причастности лица к преступлению были получены уже после возбуждения уголовного дела, орган расследования обязан юридически оформить статус такого лица в постановлении о задержании, о применении меры пресечения, либо в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. При этом чем быстрее будет установлено виновное лицо, тем больше у него возможностей обеспечить свою защиту.

Отдельно хочется остановиться на высказывании судьи Конституционного суда Т.Г.Морщаковой, по мнению которой «основной аргумент в

---

⁶ Постановление федерального суда Автозаводского района г.Тольятти от 26 февраля 2006г. о рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела, в порядке ст.125 УПК РФ // Архив Автозаводского районного суда г.Тольятти.

пользу судебного обжалования акта возбуждения уголовного дела – закрепленный в статье 123 Конституции РФ принцип осуществления уголовного судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон, который... распространяется на все стадии уголовного судопроизводства». Действительно, это один из основополагающих принципов судопроизводства, но утверждать о его одинаковом действии на судебных и досудебных стадиях, с нашей точки зрения, не верно. Российский уголовный процесс тем и отличается от состязательного типа судопроизводства, что в основе своей имеет смешанный, в какой-то степени взаимоисключающий подход в регулировании процессуальных отношений. Этот факт надо учитывать и в правотворчестве, и в правоприменении. И если законодатель возлагает все бремя ответственности за результаты досудебного производства на прокурора, то надо дать ему возможность реализовать свою власть наиболее эффективно, поставив под немедленный судебный контроль лишь те полномочия, которые причиняют невосполнимый ущерб правам граждан и не могут быть устранены при рассмотрении дела по существу. Как показано выше, постановление о возбуждении уголовного дела не может причинить такой ущерб правам и свободам граждан. По своему содержанию оно направлено на всех участников уголовного судопроизводства, обязывая должностных лиц осуществлять процессуальную деятельность, а лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство – соблюдать требования закона и исполнять свои процессуальные обязанности.

Допуская судебное обжалование постановления о возбуждении уголовного дела, Конституционный Суд РФ установил рамки судебного вмешательства в деятельность органов предварительного расследования: «При осуществлении судебного контроля... не должны предрешаться вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела». На наш взгляд, это не просто трудная, а невыполнимая задача. Проверка законности возбуждения уголовного дела, наряду с другими обстоятельствами, связана с установлением оснований к возбуждению уголовного дела. В свою очередь, установление оснований всегда связано с решением вопросов, являющихся предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. Установить основание при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица – значит согласиться с тем, что в действиях этого лица содержатся признаки преступ-

ления. А это и есть то, что является предметом будущего судебного разбирательства.

В практике Автозаводского суда г.Тольятти, только за один год (2006 г.) признано незаконным возбуждение трех уголовных дел по ст.159 УК РФ в связи с отсутствием в действиях подозреваемых признаков преступлений, в то время как органы прокуратуры усматривают составы преступлений, но собрать достаточную доказательственную базу не успевают. Рассматривая такие жалобы, суды преждевременно пытаются решить вопрос о виновности лица в совершении преступления в условиях отсутствия достаточной совокупности доказательств. Решить же, насколько законно и обоснованно было возбуждено дело, можно только после выполнения необходимого комплекса следственных действий.

Необоснованное расширение предмета обжалования, установленного ст.125 УПК РФ, уже наблюдается на практике. Суды принимают к рассмотрению и разрешают жалобы не только на постановления о возбуждении уголовных дел, но и на постановления следователя об отказе в удовлетворении таких ходатайств, как:

- об изменении более строгой меры пресечения на любую другую меру;
- о производстве следственных действий, в том числе вызове свидетеля для допроса, о повторном допросе;
- о прекращении уголовного дела и т.д.

По всем этим жалобам правоприменители находят правовое обоснование для их судебного рассмотрения. Например, установленная законом обязанность свидетеля, независимо от его воли и желания, явиться в орган расследования и дать правдивые показания о тех событиях, очевидцем которых он был, ограничивает конституционные права человека на свободу передвижения (ст.27 Конституции РФ), свободу получения и передачи информации (ст.29 Конституции РФ). А действия следователя, отказавшего в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения – ареста, на более мягкую меру, ограничивают конституционные права лица на свободу и неприкосновенность личности (ст.22) и, соответственно, подпадают под действие ч.1 ст.125 УПК РФ. Несмотря на прямое закрепление в законе положения о том, что избранный по решению суда арест может быть изменен либо самой стороной обвинения, либо вышестоящей судебной ин-

станцией в порядке кассационного пересмотра, на практике проводятся судебные заседания по вопросу законности и обоснованности заключения лица под стражу в порядке ст.125 УПК РФ, недопустимые с точки зрения закона, но возможные с точки зрения правоприменителей.

Так, федеральный суд Автозаводского района г. Тольятти принял и рассмотрел в судебном заседании, в порядке ст.125 УПК РФ, жалобу защитника М. на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения обвиняемому Н. с заключения под стражу на иную. Обвиняемый Н. был заключен под стражу постановлением суда от 24 апреля 2006 года. Уже через 2 дня, 26 апреля 2006 года, защитник М. заявил следователю ходатайство об изменении меры пресечения. На следующий день, 27 апреля, следователь вынес постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, что и явилось основанием для обращения в суд.

Этот же суд принял к рассмотрению жалобу адвоката С. на действия следователя, отказавшего в прекращении производства по делу в отношении его подзащитного М., обвиняемого в совершении ряда тяжких преступлений, а также жалобу потерпевших С. и В. на действия следователя, отказавшегося проводить повторный допрос и повторную очную ставку⁷. По всем этим жалобам состоялись судебные заседания, на которых стороны имели возможность ознакомиться с представленными материалами, в том числе и с уголовными делами, предварительное расследование по которым не завершено, но которые достаточно часто истребуются судьями при принятии жалобы к рассмотрению.

На наш взгляд такая активность суда вступает в противоречие не только с установленной законом процедурой возбуждения уголовного дела, применения мер пресечения, производства следственных действий, обжалования судебных решений, но и прямо нарушает основы досудебного производства, такие, как тайна предварительного расследования (ст.161 УПК РФ), процессуальная самостоятельность и независимость следователя (ст.38 УПК РФ), свобода следователя при оценке доказательств (ст.17 УПК РФ), а также ограничивает срок предварительного расследования.

---

⁷ Архив федерального суда Автозаводского района г.Тольятти: постановление от 22 марта 2006 года; постановление от 6 марта 2006 года; постановление от 16 мая 2006 года.

Вмешательство государства в сферу прав человека оправдывается теми целями, на достижение которых направлено все уголовное судопроизводство, а именно – защита прав и свобод потерпевшего от преступления, защита личности от незаконного и необоснованного осуждения и обвинения (ст.6 УПК РФ). Возбуждение уголовного дела, являясь гарантией реализации прав и свобод человека, не только обеспечивает доступ потерпевшего к правосудию, но и создает условия для реализации подозреваемым своего права на защиту от необоснованного осуждения и обвинения. Введение судебного контроля за законностью и обоснованностью возбуждения уголовного дела в стадии предварительного расследования ограничивает эти права и легализует существование «параллельного» ускоренного правосудия, которое в силу своей упрощенности всегда будет дефектным.

М.А. Гранат

НОВАЯ АРБИТРАЖНАЯ И СТАРАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО «ОСАГО»

Согласно действующему законодательству, страховая компания лица, виновного в ДТП, при наступлении страхового случая обязана выплатить потерпевшему компенсацию причиненного вреда. Стоимость ремонта оплачивается согласно сделанной экспертами калькуляции¹. При определении размера страховой выплаты обязательно берется в расчет амортизация поврежденных деталей: «Учитывается износ частей узлов, агрегатов и деталей, используемых при восстановительных работах»².

По данным газеты «Известия», более 80 % автомобилей в России имеет возраст свыше восьми лет³. При этом заявленный производителями срок службы отечественной легковой машины (в зависимости от ее типа) колеблется около этой же восьмилетней отметки. Таким образом, значительная часть автомобилей в России имеет очень высокий процент амортиза-

---

¹ По теме подробно: Андрианов, Ю. В. Как оценить и возместить ущерб от дорожно-транспортного происшествия / Ю. В. Андрианов. – М.: Дело, 2001.

² Подп. «б» ст. 63 Постановления Правительства РФ от 07.05.2003 № 263 «Об утверждении правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

³ «Известия», 28.09.2004. Также: по данным газеты «Ведомости» от 21.02.2007 более половины эксплуатируемых автомобилей в России старше десяти лет.

ции, который приближается к 100%. По данным тех же «Известий», средний срок эксплуатации легкового автомобиля в России составляет четверть века, то есть более чем в три раза превышает заложенный производителем ресурс⁴. Несмотря на это, даже сильно изношенное транспортное средство, перешагнувшее заявленный производителем срок службы, представляет для владельца определенную ценность в том случае, если оно все еще пригодно к эксплуатации. Но если это транспортное средство повреждено в ДТП, то о какой компенсации может идти речь, если износ деталей близок к ста процентам? Страховые выплаты по ОСАГО в описанной ситуации бывают лишь символическими.

Но даже у нового автомобиля наличие амортизационного износа, пускай самого небольшого, приводит к тому, что страховой выплаты недостаточно, чтобы восстановить машину. В отдельных случаях со старыми машинами иностранных производителей собственник сталкивается с еще большей проблемой: нужные детали вообще сняты с производства и купить их крайне сложно.

По названным причинам потерпевшие часто просят суды обязать страховщика оплатить стоимость ремонта исходя не из калькуляции ущерба, а из рыночной стоимости нужных новых запасных частей. Страховщики, как правило, начинают возражать и ссылаются на нормы о неосновательном обогащении, которое, несомненно, возникнет при удовлетворении такого иска – ведь у потерпевшего до аварии были установлены в автомобиле запчасти с износом, а после получения страховки будут смонтированы новые. С такой логикой сложно спорить – неосновательное обогащение здесь есть, и этот факт признается Верховным судом РФ⁵.

До недавнего времени из сложившегося положения удавалось выходить следующим образом. Добросовестная страховая компания пыталась самостоятельно или с помощью застрахованного виновника аварии найти комплектующие нужного года выпуска, которые бы имели приблизительно такую же стоимость, как и поврежденные. Затем эти запасные части передавались потерпевшему, а потерпевший, в свою очередь, передавал свои поврежденные детали страховой компании. Так потерпевший получал

---

⁴ «Известия», 10.09.2004.

⁵ По вопросу учета износа поврежденных в дорожно-транспортном происшествии запасных частей, а также о необходимости исключить неосновательное обогащение сторон при компенсации ущерба см.: Решение ВС РФ от 25 ноября 2003 г. № ГКПИ03-1266.

компенсацию ровно в размере понесенного ущерба (ни больше, ни меньше) он удовлетворял свои интересы и вроде бы избегал неосновательного обогащения. Но технически произвести подобный обмен всегда было очень сложно. Сам виновник аварии, как правило, совершенно не хотел заниматься поиском запчастей, что, в общем, вполне понятно. Кроме того, страховая компания в результате обмена в подобных случаях получала в собственность набор бывших в употреблении запчастей, еще и поврежденных, и сталкивалась с очевидной проблемой реализации этого имущества. Вследствие названных причин от подобной практики страховщики почти повсеместно отказались, и потерпевший остался со своими проблемами один на один.

Все годы действия полисов ОСАГО суды ссылались на то, что компенсация, выплачиваемая по ним страховщиками, достаточна, потому что потерпевший на полученные средства может сам приобрести аналогичные (уже амортизированные) комплектующие. Вывод этот судами делался, кажется, с легким налетом иронии, однако в полном соответствии с действующим законодательством и принципом возмещения в пределах, установленных законом.

Но проблема размера возмещения по ОСАГО все это время оставалась серьезной – ведь при выплатах речь идет о значительных «недоплатах». По данным самих страховщиков, разница между суммой, которую выплачивает страховая компания по ОСАГО, и реальной стоимостью ремонта для автомобилей возраста один год составляет около 30%. В дальнейшем эта цифра увеличивается в среднем на 13% за каждый последующий год ⁶.

Изменить ситуацию взялся Высший арбитражный суд РФ.

Президиум ВАС РФ, разрешая по существу дело № 13377/06, постановил, что при ремонте автомобилей по ОСАГО страховщик должен оплачивать стоимость ремонта полностью, без учета износа деталей.

Суть дела, разрешенного судом, заключается в следующем.

В феврале 2004 года в г. Барнауле столкнулись легковой автомобиль «Форд Фокус» и микроавтобус «Газель». Владелец легкового автомобиля имел полис КАСКО, оформленный в ОАО «Национальная страховая группа». Эта компания выплатила полную сумму ущерба собственнику авто-

---

⁶ «Ведомости», 21.02.2007. Приведены данные страховой компании «Инком-Авто».

мобилья «Форд» – 81 204 руб. 73 коп. При этом с учетом износа деталей размер ущерба составлял только 74 463 руб. 02 коп.

После произведенной выплаты страховщик владельца «Форда» потребовал произвести выплату по ОСАГО от страховой компании «НСГ-Росэнерго», страховщика виновника происшествия (владельца микроавтобуса). Выплатить добровольно какую-либо сумму «НСГ-Росэнерго» отказалась.

Первые три инстанции решали вопрос только о самом праве страховой компании на суброгацию. Но ВАС РФ при решении дела не только удовлетворил требования истца и признал его право на получение выплаты, но и взыскал с ответчика полную стоимость страховых выплат – без учета амортизации, то есть все 81 204 руб. 73 коп.

Полный текст принятого судебного акта на сайте ВАС РФ еще не опубликован, оглашена лишь резолютивная его часть (которая очень быстро получила широкую известность).

Данное решение, кажется, противоречит действующим правилам ОСАГО и названному ранее Постановлению правительства РФ. Впрочем, эти противоречия объяснимы, если постановление ВАС РФ основано целиком на нормах ГК РФ и правилах закона «Об обязательном страховании...», которые, конечно, имеют большую правовую силу.

Но тревожит не сама мотивировочная часть судебного акта, а совсем другое.

Верховным Судом РФ прежде выносилось и ныне действует Решение от 25 ноября 2003 г. № ГКПИ03-1266. В рамках данного дела заявитель, ООО «Строймаш», оспаривало Постановление Правительства РФ от 07.05.2003 № 263 «Об утверждении правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Обращение в суд было вызвано тем, что ООО «Строймаш» получило по ОСАГО за поврежденную в аварии автомашину 15 тысяч рублей, тогда как стоимость ремонта составила все 65 тысяч рублей. Общество пыталось доказать в суде неправомерность вычета из суммы ущерба стоимости амортизации и незаконность соответствующих правил, утвержденных Правительством РФ. Заявитель указывал, что действующие «Правила...» противоречат ст. 15 ГК РФ и самому понятию «убытки», так как потерпевший в итоге получает возмещение далеко не в полном объеме.

Обществу «Строймаш» в заявленных требованиях Верховный суд РФ отказал. В мотивировочной части Решения было указано: «Приведенные в

оспариваемом нормативном правовом акте положения о необходимости учета износа деталей полностью соответствуют требованиям ст. 15 ГК РФ, поскольку позволяют потерпевшему восстановить свое нарушенное право в полном объеме путем приведения имущества в прежнее состояние, исключая неосновательное обогащение с его стороны»⁷. Приведенное Решение проверялось кассационной коллегией Верховного суда и было оставлено в силе.

Позиция Высшего арбитражного суда РФ, занятая по делу № 13377/06, полностью противоречит сказанному.

В сложившемся положении не ясно, мнением какого судебного органа следует руководствоваться. Абсурдность ситуации заключается в том, что многие страховщики сегодня для юридических лиц применяют «правила» о полной компенсации, как недавно предписал ВАС РФ, а для физических лиц ими по-прежнему используются обычные правила о компенсационной выплате (с учетом амортизации автомобиля), как рекомендовал в 2003 г. ВС РФ⁸.

Очевидная нелепость положения, конечно, приведет либо к отмене названного постановления ВАС РФ, либо к поправкам в Законе «Об обязательном страховании...» и в соответствующем постановлении правительства.

Если поправки в нормах об ОСАГО будут приняты, это явно улучшит положение автолюбителей. В то же время возникнет заметная несправедливость по отношению к иным потерпевшим: так, на сегодняшний день все компенсации имущественного вреда (не только страховые, но и обычные деликтные) выплачиваются с учетом износа поврежденной вещи. Принятие иных правил для отдельной категории граждан (автолюбителей) будет нарушать общий принцип справедливости гражданского права. Другое очевидное последствие, о котором уже сейчас можно уверенно говорить, будет заключаться в том, что утверждение правил о полной компенсации расходов на ремонт автомобиля неминуемо повлечет также и увеличение числа страховых мошенничеств – повреждать свою автомашину станет гораздо выгодней.

Из сказанного можно сделать общий вывод: либо нас ждет серьезная реформа гражданского законодательства и ключевое изменение понятия

---

⁷ Решение ВС РФ от 25 ноября 2003 г. № ГКПИ03-1266

⁸ Российская Бизнес-газета №594 от 6 марта 2007

«убытки», либо нашумевшее постановление ВАС РФ по делу № 13377/06 будет отменено как противоречащее сложившейся судебной практике.

На сегодняшний же день каждый из нас, уважаемые коллеги, смело может отстаивать в суде ту позицию, которая выгодна его клиенту, причем доводы в обоих случаях могут приводиться с должным обоснованием и со ссылкой на судебную практику.

*А.С. Беницкий,
О.Ю. Якимов*

СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ В УКРАИНЕ И РОССИИ¹

В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к сближению финансовых систем разных государств. Позитивные моменты этого сближения, такие, как прогнозируемость ситуации на рынке, облегчение регулирования курсов валют, возможность предупреждения скачков цен и инфляции, несомненны. Однако явление имеет и обратную сторону. Наряду с положительными моментами, такое сближение создает благодатную почву для всякого рода злоупотреблений, влияет на формирование условий, при которых появляется возможность в одних государствах совершать преступления, а в других – скрываться от ответственности.

Учитывая развитие информационных технологий, можно с уверенностью сказать, что так называемая привязка к местности при совершении преступления отходит на задний план, особенно если речь идет об общественно опасных деяниях, связанных с экономической деятельностью. Кроме этого, правонарушители получают возможность уклоняться от ответственности, используя пробелы в законодательстве либо недостатки в организации или деятельности правоохранительных органов.

В проекте Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» 2005 г. государства-члены ООН выразили обеспокоенность распространением и масштабами транснациональной орга-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках российско-украинского исследования (проект № 05-03-91304а/У).

низованной преступности, встревоженность резким ростом, расширением географии и последствиями новых экономических и финансовых преступлений². Вместе с тем, в декларации подчеркивается, что такого рода преступления превратились в серьезную угрозу для национальной экономики и международной финансовой системы; обращается внимание на необходимость комплексного и системного подхода к борьбе с наркоиндустрией, отмыванием «грязных» денег и финансированием терроризма, поскольку данные деяния способствуют развитию дальнейшей преступной деятельности³.

По сведениям FATF (Financial Action Task Force – международной организации, созданной специально для борьбы с отмыванием «грязных» денег), ежегодно во всем отмывается от 500 миллиардов до 1,5 триллионов долларов. Для сравнения: ежегодный объем всей экономики такой развитой страны, как Испания, составляет 500 млрд. долл. По мнению председателя Комитета по безопасности Государственной Думы ФС РФ А.И. Гурова, отмывание денег является одной из наиболее опасных для России угроз в XXI веке⁴. Л.Я. Драпкин и Я.М. Злоченко также указывают, чтобы значительная часть финансовой подпитки международного терроризма состоит из легализированных грязных денег (преступных доходов)⁵.

Действительно, практика отмывания доходов, полученных преступным путем, давно вышла за границы отдельно взятого государства и приобрела глобальный характер. Одним из направлений, обеспечивающих

---

² Проект Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». Бангкок, 2005. http://www.un.org/russian/events/11thcongress/bangkok_dec.pdf.

³ См., например: *А.Г. Волеводз* Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / Науч. редактор проф. *А.Б. Соловьев*. – М., 2000. С. 31 – 33; *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства противодействия легализации незаконных доходов // *Право и политика*. 2001. № 7. С. 83 и др.

⁴ *Гуров А.И.* Угрозы национальной безопасности Российской Федерации и их уголовно-правовое регулирование. – В сб. *Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая- 1 июня 2001 г.* М., 2002. С. 13 – 14.

⁵ *Л.Я. Драпкин, Я.М. Злоченко* 1) Получение и использование информации об источниках и каналах финансирования – важнейшее направление в системе противодействия международному терроризму // *Российский юридический журнал*. 2002. № 1. С. 56; 2) Криминалистические аспекты противодействия финансированию международного терроризма // *Экономическая преступность* / Под ред. *В.В. Лунеева, В.И. Борисова* – М., 2002. С. 209-223.

действенность совместных усилий разных государств, является взаимная гармонизация антилегализационного законодательства, выработка совместных мер по предупреждению и противодействию отмыванию преступных доходов. «Законодательное регулирование ответственности за отмывание «грязных» денег, – пишет Б.В. Волженкин, – необходимо, прежде всего, в интересах борьбы с организованной преступностью, с тем, чтобы подорвать финансовую основу этой преступности»⁶.

Исторический путь развития Украины и России predetermined те общие черты, которые существуют во многих сферах общественной жизни этих государств, в том числе в структуре преступности, методах и способах противодействия ей. Между нашими государствами традиционно сложились тесные экономические связи. Это способствует возникновению условий, при которых преступные доходы, полученные в Украине, отмываются в России, и наоборот. Еще совсем недавно наши страны входили в «черный» список FATF, в который включаются государства, не принимающие эффективных мер по борьбе с отмыванием преступных доходов. Однако, благодаря совершенствованию правовой базы противодействия легализации преступных доходов с учетом положений, сформулированных в известных «Сорока рекомендациях FATF», Россия была исключена из него на год раньше, чем Украина.

С небольшим интервалом Пленумы Верховных Судов России и Украины приняли Постановления, касающиеся спорных вопросов применения норм о легализации. Обобщение практики применения ст. 209 УК Украины и ст.ст. 174, 174.1 УК РФ показывает, что правоприменители по-разному истолковывают объективные и субъективные признаки данного преступления. Нет единых критериев отграничения легализации от смежных составов. Часто это приводит к ошибкам в правовой оценке деяний. Так, например, количество преступлений, предусмотренных ст. 209 УК Украины, уголовные дела по которым находились в производстве, всего по Украине составляло: 1) в 2001 году 34; 2) в 2002 году 357; 3) в 2003 году 302. Количество этих преступлений, дела по которым были закончены, всего по Украине составляло: 1) в 2001 году 2; 2) в 2002 году 231; 3) в 2003 году 200. За девять месяцев 2004 г. было направлено в суд 278 уголовных

---

⁶ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). Спб., 2002. С. 214.

дел, возбужденных по ст. 209 УК Украины, было вынесено 69 обвинительных приговоров⁷.

В России также наблюдаются трудности в применении норм, устанавливающих ответственность за отмыwanie преступных доходов. Так, согласно данным Главного информационного центра МВД России, в 1997 г. было выявлено 241 преступление, предусмотренное ст. 174 УК РФ, осуждено 5 человек; в 1998 году 1003 преступления, осужден 21 человек; в 1999 году 965 преступлений, осужден 21 человек; в 2000 году 1784 преступления, осуждено 28 человек, в 2001 году 439 преступлений, привлечено к уголовной ответственности 108 человек, в 2002 г. было выявлено 1079 преступлений, привлечено к уголовной ответственности 47 человек⁸. В 2003 г. было зарегистрировано 488 преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, выявлено 32 человек, совершивших данное преступление; по ст. 174.1 УК РФ выявлено 132 преступления и 24 лица, их совершивших⁹. В 2004 г. было выявлено 1977 случаев легализации преступных доходов, направлено в суд 1634 уголовных дела, привлечено к уголовной ответственности 85 человек. В 2005 году было выявлено 7461 факт легализации, 6402 из них были направлены в суд, однако только 238 человек было привлечено к ответственности¹⁰.

Как можно видеть, официальные статистические данные явно несопоставимы с экспертными оценками распространенности легализации преступных доходов. В немалой степени это обусловлено недостатками законодательного описания данного преступления в Уголовных кодексах Украины и России. Это диктует необходимость поиска оптимальных конструкций норм о легализации, с целью выработки теоретических рекомендаций по совершенствованию законодательства.

---

⁷ Лист Департамента информационных технологий МВС Украины на 1 января 2005 г. // № 16/1 К – 2227, с. 2.

⁸ *Сабанина О.В.* Уголовная ответственность за легализацию (отмыwanie) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / Автореф. дис... к.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 3.

⁹ Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. проф. *А.И. Долговой.* – М., 2004. С. 96 – 97.

¹⁰ <http://www.mvdinform.ru/files/3157.pdf>, <http://www.mvdinform.ru/files/4001.pdf>

О ВОЗМОЖНОСТИ ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА, ПРИНЯТОГО ФОРМАЛЬНЫМ СПОСОБОМ

Иногда приходится сталкиваться с мнением, что нормы наследственного права являются очень простыми и доступными для понимания и применения, а значит, никаких серьезных затруднений в их реализации быть не должно. Конечно, среди ученых-цивилистов идут споры по ряду теоретических вопросов (например, о корректности употребления термина «наследственные правоотношения»), но в отношении практики применения положений части 3 ГК РФ сложностей на первый взгляд не много. На самом деле, вроде бы, откуда им взяться, если все предельно просто: есть наследодатель, есть наследники, перечень которых четко и исчерпывающе закреплен в соответствующих статьях ГК РФ, процедура составления завещания подробно регламентирована нормами ГК РФ, основ «законодательства о нотариате» и ряда подзаконных актов. Однако, несмотря на кажущуюся простоту положений части 3 ГК РФ на практике возникают сложности с их применением. В данной работе мы остановимся только на одной из них.

Суть проблемы заключается в следующем. Иногда возникают случаи, когда наследник, приняв наследство формально (т.е. подав в соответствии с положениями п. 1 ст. 1153 ГК РФ нотариусу заявление о принятии наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство) по истечении 6 месяцев со дня открытия наследства желает от него отказаться. Причины, по которым наследник желает отказаться от наследства, могут быть различными. Например, в некоторых случаях (если завещана только часть наследственного имущества, или возникают сложности с исчислением обязательной доли в наследстве или в силу преклонного возраста и состояния здоровья наследника) это является самым простым и быстрым способом оформления наследственных прав другими наследниками. Однако нотариус не примет от наследника заявление об отказе от наследства, так как он пропустил срок на отказ от наследства предусмотренный положениями п. 2 ст. 1157 ГК РФ. В законодательстве не предусмотрена возможность признания наследника отказавшимся от наследства по истечении установленного срока, независимо от уважительности причин пропуска,

если он принял наследство формально. Подчеркнем, именно формально, если же наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, суд может по заявлению этого наследника признать его отказавшимся от наследства и по истечении установленного срока, если найдет причины пропуска срока уважительными. Все это дало основание некоторым авторам (например, А.М. Эрделевский¹ и др.) сделать вывод о том, что в случае принятия наследства формально срок для отказа от наследства восстановлению не подлежит².

На наш взгляд определенные предпосылки к тому, чтобы признать наследника отказавшимся от наследства и по истечении установленного срока все же существуют.

Действительно в положениях ст. 1157 ГК РФ прямо не оговорена возможность признания наследника отказавшимся от наследства в случае его формального принятия. Однако нет и запрета на такое признание. Если осуществление права по истечении какого-либо срока становится невозможным, то об этом обычно прямо указывается в положениях ГК РФ. В качестве примера можно привести нормы п. 3 ст. 1175 ГК РФ: «При предъявлении требований кредиторами наследодателя срок исковой давности, установленный для соответствующих требований, не подлежит перерыву, приостановлению и восстановлению».

В положениях ст. 1157 ГК РФ такого указания нет, поэтому на наш взгляд, в данном случае имеет место неурегулированность законодательством отношений по отказу от наследства в случае его формального принятия. Согласно правилам п. 1 ст. 6 ГК РФ, когда предусмотрены п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулиющее сходные отношения (аналогия закона).

Сходными можно в данном случае признать нормы 3 части ГК РФ, регулирующие признание наследника отказавшимся от наследства, при его

---

¹ А.М. Эрделевский. Приобретение наследства. // Профессиональная справочная правовая система Консультант Плюс. – М.: Консультант, 2007.

² См., например: Р.И. Виноградова, Г.К. Дмитриева, В.С. Репин. Комментарий к гражданскому кодексу РФ, части третьей // Под ред. В.П. Мозолина; Профессиональная справочная правовая система Консультант Плюс. – М.: Консультант, 2007.

фактическом принятии (п. 2 ст. 1157 ГК РФ) и нормы о восстановлении срока на принятие наследства и признании наследника принявшим наследство (ст. 1154 ГК РФ, 1155 ГК РФ). Возможность применить к отказу от наследства те же правила, что и к восстановлению срока на принятие наследства вытекает из единства правовой природы данных сроков. Это процессуальные сроки в течение которых, наследник реализует свои права, предусмотренные гражданским законодательством. Этой же точки зрения придерживается и К.Б. Ярошенко³. Опираясь на данные нормы, обозначим процедуру признания наследника отказавшимся от наследства при его формальном принятии.

На наш взгляд, наследнику необходимо подавать в суд исковое заявление о признании его отказавшимся от наследства. В иске необходимо указать уважительные причины пропуска срока на отказ от наследства (по аналогии с положениями п. 2 ст. 1157 ГК РФ). Ответчиками в данном процессе будут все другие наследники принявшие наследство (по аналогии с нормами п. 1 ст. 1155 ГК РФ). По вполне понятным причинам они, скорее всего, признают иск.

И в заключении хотелось бы обратить внимание на одну неточность в высказываемых учеными-цивиристами точках зрения о невозможности отказа от наследства принятого формально. Все они говорят о том, что срок на отказ от наследства принятого формально судом не восстанавливается. Однако в положениях п. 2 ст. 1157 ГК РФ и не говорится о том, что суд восстанавливает срок на отказ от наследства, он признает наследника отказавшимся от наследства.

---

³ К.Б. Ярошенко, Н.И. Марышева. Комментарий к гражданскому кодексу РФ, части третьей // Профессиональная справочная правовая система Консультант Плюс. – М.: Консультант, 2007.

МЕРЫ «СТРАХОВОГО» ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫВОДУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В «ТЕНЕВУЮ» ЭКОНОМИКУ

Ввиду отсутствия государственных нормативно-правовых механизмов и ограничений, способных эффективно регулировать крупномасштабный вывод денежной массы из легального оборота, представители «теневой» экономики и организованной преступности активно встраивают в свои схемы использование банковских продуктов и услуг в качестве легальных инструментов для получения так называемого «черного нала», используемого для совершения незаконных операций.

В этой связи кредитные организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые организации и лизинговые компании, ломбарды, организации, содержащие тотализаторы и букмекерские конторы, а также организующие и проводящие лотереи и иные основанные на риске игры, в том числе в электронной форме, используются в качестве канала для пополнения «теневых» капиталов.

В настоящее время российские банки находятся в сфере повышенного внимания со стороны надзорных и правоохранительных органов, результатом которого является ужесточение требований к выполнению положений законодательства и нормативных актов Банка России в области противодействия отмыванию преступных доходов.

В этой связи необходимо использовать ряд мер, направленных на недопущение вывода денежных средств из легального оборота, а именно:

– проводить обязательный контроль операций с денежными средствами или иным имуществом, если сумма, на которую они совершаются, равна или превышает 600 000 рублей, либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 600 000 рублей, или превышает ее, а по своему характеру данная операция относится к одному из следующих видов операций:

1. Снятие со счета или зачисление на счет юридического лица денежных средств в наличной форме в случаях, если это не обусловлено характером его хозяйственной деятельности; покупка или продажа наличной иностранной валюты физическим лицом; приобретение физическим лицом ценных бумаг за наличный расчет; получение физическим лицом денежных средств по чеку на предъявителя, выдан-

ному нерезидентом; обмен банкнот одного достоинства на банкноты другого достоинства; внесение физическим лицом в уставный (складочный) капитал денежных средств в наличной форме.

2. Зачисление или перевод на счет денежных средств, предоставление или получение кредита, операции с ценными бумагами в случае, если хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо, имеющее регистрацию, место жительства или место нахождения в государстве, которое не участвует в международном сотрудничестве в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. (Перечень таких государств определяется в порядке, устанавливаемом Правительством РФ).
3. Размещение денежных средств во вклад (на депозит) с оформлением документов, удостоверяющих вклад на предъявителя; зачисление денежных средств на счет или списание со счета юридического лица, период деятельности которого не превышает трех месяцев со дня его регистрации, зачисление или списание денежных средств со счета юридического лица в случае, если операции по указанному счету не проводились с момента его открытия.
4. Помещение ценных бумаг, драгоценных металлов, драгоценных камней, ювелирных изделий из них и лома таких изделий или иных ценностей в ломбард; выплата физическому лицу страхового возмещения или получение от него страховой премии по страхованию жизни или иным видам накопительного страхования и пенсионного обеспечения; получение или предоставление имущества по договору финансовой аренды (лизинга); переводы денежных средств, осуществляемые некредитными организациями по поручению клиента; купля-продажа драгоценных металлов и драгоценных камней, ювелирных изделий из них и лома таких изделий; получение денежных средств в виде оплаты за участие в лотерее, тотализаторе (взаимном пари) и иных основанных на риске играх, в том числе в электронной форме, и выплата денежных средств в виде выигрыша, полученного от участия в таких играх; предоставление юридическими лицами, не являющимися кредитными организациями, беспроцентных займов физическим лицам или другим юридическим лицам, а также получение такого займа.

Операции с денежными средствами или иным имуществом подлежат обязательному контролю в случае, если хотя бы одной из сторон является

организация или физическое лицо, в отношении которых имеются полученные в установленном Федеральным законом порядке сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, либо юридическое лицо, прямо или косвенно находящееся в собственности или под контролем таких организаций или лица, либо физическое или юридическое лицо, действующее от имени таких лиц.

Основаниями для включения организации или физического лица в указанный перечень являются:

– вступившее в законную силу решение суда РФ о признании физического лица виновным в совершении преступления террористического характера;

– решение Генерального прокурора РФ или подчиненного ему прокурора о приостановлении деятельности организации в связи с его обращением в суд с заявлением о привлечении организации к ответственности за террористическую деятельность;

– постановление следователя или прокурора о возбуждении уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление террористического характера;

– включение организации в соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами РФ террористическими.

Кредитная организация обязана идентифицировать лицо, находящееся у нее на обслуживании, при совершении банковских и иных сделок. В кредитной организации должна быть разработана и утверждена программа идентификации клиентов, установления и идентификации выгодоприобретателей, в том числе порядок оценки степени (уровня) риска совершения клиентом операций в целях отмывания доходов и основания оценки такого риска.

В целях идентификации клиента, установления и идентификации выгодоприобретателя кредитной организацией должен осуществляться сбор сведений и документов, являющихся основанием совершения банковских операций и иных сделок:

1) Полное, а также (если имеется) сокращенное наименование и наименование на иностранном языке.

2) Организационно-правовая форма.

- 3) Идентификационный номер налогоплательщика.
- 4) Сведения о государственной регистрации: дата, номер, наименование регистрирующего органа, место регистрации.
- 5) Адрес местонахождения и почтовый адрес.
- 6) Сведения о лицензии на право осуществления деятельности, подлежащей лицензированию: вид, номер, дата выдачи лицензии, кем выдана, срок действия, перечень видов лицензируемой деятельности.
- 7) Банковский идентификационный код (БИК) – для кредитных организаций-резидентов.
- 8) Сведения об органах юридического лица (структура и персональный состав органов управления юридического лица).
- 9) Сведения о величине зарегистрированного и оплаченного уставного (складочного) капитала или величине уставного фонда, имущества.
- 10) Номера контактных телефонов и факсов.

Кредитная организация также может использовать иные дополнительные (вспомогательные) источники информации, доступные кредитной организации на законных основаниях.

На основании Федерального закона «О Центральном Банке РФ» Банк России устанавливает квалификационные требования к специальным должностным лицам, ответственным за соблюдение правил внутреннего контроля в целях противодействия отмыванию доходов. Данный сотрудник должен иметь высшее юридическое или экономическое образование и опыт руководства отделом, иным подразделением кредитной организации, связанным с осуществлением банковских операций, не менее одного года, а при отсутствии указанного образования – опыт работы в сфере противодействия отмыванию доходов не менее двух лет или опыт руководства подразделением кредитной организации, связанным с осуществлением банковских операций, не менее двух лет.

Общегосударственные усилия по противодействию легализации преступных доходов и борьбе с «теневой» экономикой способны дать положительные результаты только при условии активного участия российского банковского сообщества, осознанно действующего в цивилизованном правовом поле, позволяющем устанавливать адекватные барьеры выводу денежной массы из легального оборота.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН КАК ЭЛЕМЕНТ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Избирательные права представляют собой комплекс правомочий, принадлежащих гражданам и используемых в целях формирования органов государственной власти, органов местного самоуправления, наделения полномочиями должностных лиц. Эффективная и беспрепятственная реализация избирательных прав является необходимым условием функционирования системы публичной власти. Согласно положениям Конституции Российской Федерации (статьи 3, 5, 11, 12), публичная власть имеет единую основу – волю многонационального народа, выражаемую посредством выборов, референдума, иных форм прямого волеизъявления и разделяется на три уровня: федеральный, уровень субъектов Российской Федерации и уровень местного самоуправления. Последний, как наиболее приближенный к населению, является исключительно значимым для формирования системы, обеспечивающей реализацию права граждан избирать и быть избранным. Органы местного самоуправления непосредственно участвуют в формировании организационной основы проведения выборов, в информационном обеспечении избирательных кампаний. С учетом многообразия задач, решаемых в ходе избирательных кампаний на муниципальном уровне, справедливым будет утверждение о том, что обеспечение избирательных прав граждан де-факто является предметом ведения местного самоуправления.

Между тем, анализ действующего законодательства свидетельствует о необходимости уточнения ряда параметров правового регулирования участия муниципального уровня публичной власти в обеспечении реализации избирательных прав граждан. Для реального воплощения гарантий избирательных прав граждан существенное значение имеет должным образом организованная правоприменительная практика. В Российской Федерации действует система специальных органов – избирательных комиссий, одновременно являющаяся одной и важнейших гарантий избирательных прав. В соответствии со статьей 24 Федерального закона от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в

референдуме граждан Российской Федерации»¹, организация подготовки и проведения муниципальных выборов возложена на избирательные комиссии муниципальных образований (далее – ИКМО). Федеральным законом от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»² их компетенция была расширена, а сами ИКМО фактически оказались включенными в систему органов местного самоуправления. В.С. Кронский, комментируя положения статьи 39 Федерального закона «Об общих принципах...» отмечает: «Избирательная комиссия муниципального образования – самостоятельный орган в системе органов местного самоуправления, обеспечивающий и организующий избирательный процесс по вопросам, установленным законодательством о выборах и местном самоуправлении»³. По смыслу Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ (часть 5 статьи 22, часть 2 статьи 23, статья 39), учреждение ИКМО в муниципальном образовании является обязательным. Законодательное решение вопроса о публично-правовой природе избирательных комиссий муниципальных образований вызвало неоднозначную реакцию со стороны научного сообщества. Позиция, отраженная в первоначальной редакции Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ, критиковалась в основном за то, что требовала переосмысления практики применения положений статьи 12 Конституции Российской Федерации. Определение статуса ИКМО как органа местного самоуправления фактически означало их исключение из вертикально ориентированной системы избирательных комиссий, невозможность корректировки деятельности ИКМО со стороны вышестоящих комиссий, являющихся органами государственной власти. Очевидной оказалась необходимость обособления ИКМО от системы органов местного самоуправления в целях сохранения единой, независимой от иных публичных структур, системы избирательных комиссий с отлаженным механизмом обеспечения избирательных прав граждан. Законодатель воспринял критику и отреагировал внесением изменений в муниципальное и избирательное законодательство. Современная редакция пункта 2 статьи 39 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ и соответствующая норма Федерального закона от 12

---

¹ Российская газета. 2002. 15 июня.

² Российская газета. 2003. 8 октября.

³ Кронский В.С. Местное самоуправление России (Комментарий федерального закона). – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2004. С.110.

июня 2002 г. №67-ФЗ предусматривают, что ИКМО является муниципальным органом и не входит в структуру органов местного самоуправления⁴. Однако, данное решение также не является оптимальным и требует корректировки.

Использование термина «муниципальный орган» для определения статуса правоприменительного органа, осуществляющего подготовку и проведение выборов на местном уровне, является новым для отечественного муниципального и избирательного законодательства. Согласно положениям Федерального закона от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, территориальные избирательные комиссии являются органами государственной власти. Термин «муниципальный орган» применительно к определению статуса ИКМО, не несет, по нашему мнению, смысловой нагрузки. Уточнение правового положения ИКМО оказалось юридическим ухищрением, позволившим обойти конституционную норму о запрете административного вмешательства органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления. Подкорректировав лишь внешние проявления правового статуса ИКМО, фактически сменив только наименование органа, законодатель обеспечил возможность контроля вышестоящих комиссий за деятельностью ИКМО. В то же время, правовой статус ИКМО оказался неопределенным. Теперь в нем присутствуют элементы, характерные как для правового статуса органов местного самоуправления (финансирование из местного бюджета), так и для статуса органов государственной власти (включенность в систему избирательных комиссий). Такое решение проблемы правового статуса избирательных комиссий напоминает борьбу с симптомами болезни при невнимании к ее действительным причинам.

Реформа местного самоуправления привела к тому, что количество муниципальных образований увеличилось более чем вдвое и составляет 24208. Из них сельских поселений – 19892, городских поселений – 1756, муниципальных районов – 1802, городских округов – 522, внутригород-

---

⁴ См.: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации».

ских территорий городов федерального значения – 236⁵. Действующая редакция Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ допускает возможность создания ИКМО в каждом муниципальном образовании. Между тем, практической необходимости в существовании такого огромного количества комиссий нет, так как «действующая система избирательных комиссий состоит из достаточно гибких, универсальных и взаимозаменяемых звеньев, способных совмещать полномочия комиссий различного вида и уровня. Практика проведения выборов органов местного самоуправления в ходе муниципальной реформы 2004-2005 годов показала отсутствие необходимости в образовании значительного количества избирательных комиссий, прежде всего избирательных комиссий поселенческого уровня. Полномочия многих из них смогли выполнить ТИК, действующие на постоянной основе, имеющие штатных квалифицированных работников, оснащенные средствами ГАС «Выборы»⁶. Федеральным законом от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ предусмотрена возможность возложения полномочий ИКМО на одну из территориальных избирательных комиссий, действующих в муниципальном образовании. Это тем более актуально, так как ИКМО оказываются фактически «выключенными» из системы избирательных комиссий в Российской Федерации. Они организуют исключительно муниципальные выборы, и «их потенциал не может быть задействован на региональных и федеральных выборах, то есть они не могут рассматриваться в качестве полноценного элемента системы избирательных комиссий»⁷. Полагаем, что следует максимально полно использовать предоставленную законодательством о выборах возможность совмещения полномочий избирательных комиссий. В перспективе возможна полная передача всех полномочий звена ИКМО территориальным избирательным комиссиям и избирательным комиссиям субъектов Российской Федерации.

---

⁵ Об итогах муниципальных выборов в ходе реформы местного самоуправления в Российской Федерации в 2004-2005 годах // См.: выписка из протокола №164-1-4 заседания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2006. №2 (193).

⁶ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Отв. ред.: кандидат юридических наук А.А. Вешняков; Науч. ред.: доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации В.И. Лысенко. – М.: Издательство «Объединенная редакция МВД России», 2006. С.280.

⁷ Гришина М.В., Рауткина Н.И., Миронов Н.М. Статус избирательных комиссий муниципальных образований // Журнал о выборах. 2005. №3. С. 30.

Такая передача должна сопровождаться модификацией правового статуса территориальных избирательных комиссий, их «привязкой» к территориальной организации муниципальных образований верхнего уровня, увеличением показателей кадровой обеспеченности комиссий. Данный подход к организации обеспечения избирательных прав граждан будет соответствовать компетенционным характеристикам местного самоуправления.

Вопросы подготовки и проведения выборов в органы местного самоуправления, местных референдумов не отнесены статьями 14-16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ к вопросам местного значения. В силу требований статьи 19 названного Федерального закона они должны быть признаны отдельными государственными полномочиями, которые могут быть переданы органам местного самоуправления. ИКМО органом местного самоуправления не является, и в настоящее время осуществляет данные полномочия в соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ, но вопреки разграничению предметов ведения и полномочий, предусмотренному Федеральным законом «Об общих принципах...». В данных условиях логичным выглядел бы отказ от регулирования статуса избирательных комиссий в муниципальном законодательстве и распределение полномочий ИКМО между комиссиями, наделенных статусом государственного органа.

Вместе с тем, обеспечение избирательных прав граждан на уровне местного самоуправления не ограничивается деятельностью избирательных комиссий. Органы местного самоуправления обеспечивают регистрацию, учет избирателей, предоставляют помещения для голосования, транспорт, средства связи. Муниципальные организации телерадиовещания, редакции печатных муниципальных периодических печатных изданий предоставляют кандидатам, избирательным объединениям бесплатное эфирное время, печатную площадь. Осуществление данных обязанностей органами местного самоуправления в ходе подготовки и проведения выборов в органы государственной власти также должно рассматриваться как реализация отдельных государственных полномочий. Однако специальные федеральные и региональные законы, предусматривающие финансирование деятельности органов местного самоуправления, связанной с организацией и проведением выборов, до настоящего времени не приняты. Кроме того, в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ, отдельными государственными полномочиями могут быть на-

делены органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов. Данное обстоятельство объективно затрудняет правовое регулирование участия органов местного самоуправления поселений в реализации электоральных процедур. Требуется иной подход к регламентации предметов ведения и полномочий местного самоуправления, связанных с участием данного уровня публичной власти в подготовке и проведении выборов. Следует обратить внимание на возможность расширения собственной компетенции муниципальных образований за счет передачи соответствующих предметов ведения на муниципальный уровень. Сейчас вопросы организации избирательных процедур успешно решаются за счет средств местных бюджетов. Оптимальным было бы расширение перечня вопросов местного значения и дополнение статей 14-16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ абзацем следующего содержания: «К вопросам местного значения относятся ... обеспечение условий реализации избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации на территории муниципального образования».

В.В. Романова

ДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ВИД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Переход Российской Федерации от административно-командной к рыночной экономике обусловил возникновение новых общих правовых и экономических принципов, в том числе и в отношениях, связанных с хозяйственной деятельностью такого субъекта права, как государство. Основой хозяйственной деятельности, в том числе и деятельности публично-правовых образований, в настоящее время является договор. Именно широкое применение на практике договора в отношениях государства и третьих лиц подтверждает один из основополагающих частноправовых принципов: участие государства в гражданских правоотношениях на равных началах с другими, частными собственниками: гражданами и юридическими лицами (п.1 ст.124 ГК РФ).

Однако участие государственных образований в правоотношениях с иными субъектами основывается на их двойной правосубъектности, поскольку они одновременно являются субъектами публичного права, наделенными определенными властными полномочиями, и субъектами частного права, участвующими в гражданских правоотношениях с физическими и юридическими лицами на общих основаниях.

Отсюда вытекает ряд исключений из общих правил. К примеру, в случаях, установленных законом, заключение контракта на поставку для государственных нужд является обязательным для другой стороны договора. Налицо нарушение субъективного гражданского права поставщика, вытекающего из основополагающего принципа свободы договора – права на свободное решение вопросов о необходимости и целесообразности заключения договора, о выборе контрагента по договору. Однако в силу исключительности и специфичности государственного заказа, без установления данного исключения из общего принципа свободы договора становится затруднительным обеспечение интересов государства, а значит и общества в целом. Действующее гражданское законодательство РФ (ст. 527, 533 ГК РФ) тем не менее, в целях защиты имущественных интересов поставщика, предусматривает обязанность государственного заказчика возместить все убытки, которые могут быть причинены другой стороне договора в связи с выполнением государственного контракта. Следует согласиться авторами, указывающими на некорректность использования в вышеназванном случае термина «возмещение убытков», традиционно обозначающего форму гражданско-правовой ответственности¹. Для того чтобы подчеркнуть юридическое различие возмещения убытков поставщику при выполнении государственного контракта от возмещения убытков как формы ответственности, предлагается использовать в данных случаях иной термин, например, «компенсация убытков»².

Публично-правовые образования могут быть субъектами различных обязательств. В сфере договорных связей наиболее распространены случаи их выступления в качестве:

---

¹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. С. 642.

² Горбунова Л.В. Некоторые правовые проблемы ответственности при поставке товаров для государственных нужд // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 117.

- государственных заказчиков в договорах поставки для государственных нужд;
- заемщиком или займодавцем в договорах займа или кредита (здесь от имени государства практически всегда выступает соответствующий финансовый орган). Такие отношения могут также оформляться выпуском облигаций или иных государственных ценных бумаг³.
- стороной в международной сделке: международная купля-продажа, внешние займы, предоставление кредитов и пр.

В отличие от деликтной ответственности, в договорной ответственности субъекты изначально состоят в правоотношении, за ними закреплены определенные права и обязанности, нарушение которых и вызывает наступление ответственности. При этом мера ответственности самостоятельно определена сторонами и закреплена в договоре. Что касается договорных отношений с участием публично-правовых образований, то здесь мера ответственности ввиду особенности правового положения субъекта зачастую прописана в нормативно-правовых актах. Так, п. 2 ст. 16 Федерального закона от 29.12.1994 г. N 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» предусматривает ответственность поставщика за просрочку поставки материальных ценностей в государственный резерв в виде неустойки в размере 50 процентов стоимости недопоставленных материальных ценностей.

Рассмотрим вопрос договорной ответственности государства на примере наиболее часто применяемого на практике договора поставки для государственных нужд. Договор поставки товаров для государственных нужд является самостоятельным видом договора купли-продажи. Квалифицирующий признак данного договора: цель использования приобретаемых товаров для государственных нужд, что обуславливает специфические основания его возникновения, субъектный состав и иные особенности, отличающие это обязательство от договора поставки. Конечной целью приобретения товаров по данному виду договора является их использование для государственных нужд, которые представляют собой потребности Российской Федерации в продукции, необходимой для решения задач жизнеобеспечения, обороны и безопасности страны и для реализации феде-

---

³ См. подробнее: Суханов Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 3.; Хохлов С.А. Заем и кредит (гл. 42) // В кн.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: текст, комментарии // Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. – М., 1996. – С. 426-427.

ральных целевых программ, а также межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация.

Среди условий наступления договорной ответственности большинство ученых выделяют:

1. 1.Нарушение договора, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

2. Отрицательные последствия, которые выражаются в виде реального ущерба и упущенной выгоды.

3. Причинно-следственная связь между нарушением обязательства и наступившими отрицательными последствиями.

4. Вина лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство. Здесь особо стоит отметить, что по общему правилу лицо, нарушившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность независимо от наличия или отсутствия вины, если не докажет, что надлежащее исполнение договора оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Однако не стоит исключать вину из признаков, необходимых к доказыванию при рассмотрении вопроса договорной ответственности. «При анализе виновности могут быть вскрыты причины нарушения обязательств, и в целом повышается обоснованности возложения ответственности»⁴.

Что касается поставки для государственных нужд, то здесь также необходимо особо обратить внимание на субъектный состав обязательства. Действующим гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрено два варианта регулирования отношений поставки для государственных нужд: они могут складываться как по двум договорам – государственному контракту и договору поставки (первый вариант), так и по одному государственному контракту, который в этом случае принимает на себя также функции договора поставки (второй вариант). Государственный контракт в первом варианте – договор организационный. Это лишь договор об организации поставок, а не о поставках конкретных партий товара. Он не обязывает поставщика поставить товар, а лишь обязывает его за-

---

⁴ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. Лит., 1984. – С. 154.

ключить договор поставки с конкретным покупателем, указанным ему в извещении о прикреплении (абз. 2 п. 1 ст. 529 ГК РФ). Поэтому в первом варианте государственный контракт не может быть основанием для отгрузок продукции. На стороны государственного контракта не может быть возложена имущественная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей покупателя и поставщика.

Государственный контракт во втором варианте – это одновременно и государственный контракт (по порядку заключения), и договор поставки (по существу). Следовательно, его заключение влечет те же правовые последствия, что и заключение договора поставки: возникновение обязанности поставить товар – у поставщика и обязанностей принять и оплатить товар – у государственного заказчика-покупателя.

Отсюда вытекает ряд особенностей реализации ответственности в случае нарушения договора. Так, при поставке товаров покупателям, с которыми поставщиком в соответствии с государственным контрактом заключены договоры поставки, особенность заключается в том, что по общему правилу обязанность оплаты поставленных товаров возлагается не на государственного заказчика, а на покупателя, получившего товары. Гарантией же прав и законных интересов поставщика (исполнителя) будет служить норма, согласно которой при оплате покупателем товаров по договору поставки товаров для государственных нужд государственный заказчик признается поручителем по денежному обязательству покупателя. Это означает, что в случае неоплаты товаров покупателем государственный заказчик будет отвечать перед поставщиком (исполнителем) в полном объеме, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек и других убытков, вызванных неоплатой поставленных товаров (ст. 532 ГК РФ)⁵.

Гарантией соблюдения интересов поставщика являются также положения ст. 530 ГК РФ, которые устанавливают обязанность государственного заказчика обеспечить выборку произведенной поставщиком продукции в полном объеме, а именно найти поставщику нового покупателя в случае отказа от приема продукции старым покупателем. Это вполне обоснованно, поскольку заключение государственного контракта инициировал именно государственный заказчик и на нем лежат соответствующие обязанности. В случае невыполнения государственным заказчиком данного предпи-

---

⁵ См. подробнее: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997.

сания, поставщик вправе самостоятельно реализовать произведенные товары, при этом, если при такой реализации ему будут причинены убытки, разумную обоснованную их часть можно компенсировать за счет государственного заказчика в судебном порядке.

Подобные нормы имеют целью защиту интересов поставщика и являются своеобразной гарантией экономической привлекательности заключения государственного контракта для последнего. При этом государство, поскольку именно в его интересах реализуются отношения по поставке, прежде всего заинтересовано в безусловном обеспечении государственных нужд, а значит и в том, чтобы заключение государственного контракта всегда было выгодно для поставщика, так же, как если бы он заключал ординарный договор поставки.

К мерам договорной ответственности относятся:

- уплата неустойки (ст. 330 ГК РФ);
- уплата процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ);
- возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ);
- компенсация морального вреда (ст. 151 ГК РФ).

С различными оговорками к мерам гражданско-правовой ответственности в цивилистической литературе относят безвозмездное устранение дефектов, обращение задатка, уменьшение стоимости товара⁶.

О.А. Маркова

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ

Договор пожизненного содержания с иждивением является сравнительно новым для российского гражданского права. Как часть института ренты он представлен нормами параграфа 4 «Пожизненное содержание с иждивением» главы 33 «Рента и пожизненное содержание с иждивением» Гражданского кодекса РФ.

Широкое распространение договора пожизненного содержания с иждивением, особенно в последнее время, связано с тем, что пожилые одино-

---

⁶ См. подробнее: Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. – Тольятти, 1997. – С. 286-292.

кие люди, в основном то и заключающие данный договор, нуждаются не столько в денежных средствах, сколько в уходе и обеспечении всем необходимым.

Особенно часто граждане вступают в отношения по передаче квартир или жилых домов с условием пожизненного содержания. Передача какого-либо другого имущества под предоставление содержания хотя и допускается законом, но пока не получила распространение.

Практический интерес к данному договору, в свою очередь, порождает необходимость разрешения и некоторых теоретических вопросов, к которым, в частности, можно отнести вопрос о соотношении договора пожизненного содержания с иждивением с договором ренты и договором купли-продажи, а также вопрос о реальности и консенсуальности договора пожизненного содержания с иждивением.

Наименование главы 33 ГК РФ, её построение, техника изложения правовых норм привели к тому, что в настоящее время в правовой науке сложились различные точки зрения относительно проблемы соотношения договора пожизненного содержания с иждивением с договором ренты и договором купли-продажи.

В частности, Гуртова Г.Л.¹, Сергеев А.П.², Витрянский В.В.³ относят договор пожизненного содержания с иждивением к одному из видов договора ренты. Подвидом договора пожизненной ренты данный договор считают такие российские цивилисты, как Брагинский М.И.⁴ Суханов Е.А.⁵, Гришаев С.П.⁶, Цыбуленко З.⁷ С привязкой к договору купли-продажи договор пожизненного содержания рассматривает Пахомов А.⁸.

Сторонники первой указанной точки зрения в её защиту приводят следующие аргументы.

---

¹ См.: Гуртова Г.Л. Сделки с недвижимостью.-М.: Юрайт,2001

² См.: Гражданское право.Учебник / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К.Часть 2- М.: ПРОСПЕКТ, 1997.С. 139.

³ См.: Витрянский В.В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. – М.: Статут, 1999. С. 76

⁴ См.: Брагинский М.И. Договорное право: Кн.2.- М.: Статут, 2000.С. 618

⁵ См.: Суханов Е.А. Гражданское право в двух томах. Т.2. Полумтом 1.-М.: Юрист, 1998. С. 350.

⁶ См.: Гришаев С.П. Все о недвижимости. – М.: Юристъ, 2000. С. 1

⁷ См.: Цыбуленко З. Рента и пожизненное содержание с иждивением. // Российская юстиция. 1997. №7. С.9.

⁸ См.: Пахомов А. Купля-продажа с правом пожизненного содержания.//Закон. 1998. №7. С. 120.

Союз «и» в названии главы 33 ГК РФ «Рента и пожизненное содержание с иждивением», как бы разделяет договор ренты и пожизненного содержания, что, казалось бы, позволяет сделать вывод о признании законодателем каждого из указанных в названии главы договоров самостоятельными. Между тем, в данном случае проводится наиболее распространенный для ГК принцип: независимо от своего наименования соответствующая глава раздела IV кодекса в виде общего правила посвящается определенному договорному типу. Применительно к главе 33 таковым является договор ренты, а значит, договор пожизненного содержания с иждивением – это только его разновидность. Подтверждением может служить наличие в рассматриваемой главе помимо трех специальных параграфов одного общего для выделенных в ней договоров. И хотя указанный параграф носит название «Общие положения о ренте и пожизненном содержании с иждивением», каждая из его статей включает указание на то, что она регулирует договор ренты. И притом ни в одной из статей указанного параграфа договор пожизненного содержания с иждивением особо не упоминается.

А.П.Сергеев⁹ пишет: «ГК выделяет три разновидности единого по своей сути рентного договора – постоянную ренту, пожизненную ренту и пожизненное содержание с иждивением, посвящая каждой из них отдельный параграф главы 33 ГК РФ. Указанные виды ренты, совпадая в своих существенных признаках, различаются между собой по ряду более частных моментов».

Витрянский В.В. в подтверждение этой позиции указывает, что в случае с договором ренты с пожизненным содержанием законодатель допускает возможность субсидиарного применения к нему правил, регулирующих договор пожизненной ренты. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что допускаемая законодателем возможность восполнительного (субсидиарного) регулирования одних видов договора правилами, регламентирующими другие виды этого договора, является лишь приемом законодательской техники, который не может служить критерием для классификации договора ренты на его виды и разновидности. С точки зрения эффективности правового регулирования, главное – чётко выделить особенности соответствующих договоров и обеспечить их адекватное регулирование с по-

---

⁹ Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Указ.соч.С. 139.

мощью специальных правил, исключаящих применение корреспондирующих им общих положений о договоре ренты¹⁰.

В защиту рассматриваемой точки зрения можно также добавить, что в случае, если бы законодатели сочли необходимым выделить договор пожизненного содержания с иждивением как подвид договора пожизненной ренты, они применили бы конструкцию, аналогичную используемой в случае с договором аренды транспортного средства (§3 гл. 34 ГК РФ), который поделен на два подвида: «Аренда транспортных средств с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации» и «Аренда транспортного средства без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации». Что же касается фразы «к договору пожизненного содержания с иждивением применяются правила о пожизненной ренте, если иное не предусмотрено правилами настоящего параграфа» (ч. 2 ст. 601 ГК РФ), то законодатель, на наш взгляд, использовал её лишь с одной целью – не повторять одни и те же нормы дважды.

Несмотря на вышеизложенные доводы, позиция о том, что договор пожизненного содержания с иждивением следует рассматривать как подвид договора пожизненной ренты, также нашла своих приверженцев в отечественной цивилистике. К такой мысли привёл некоторых ученых-правоведов анализ содержания части 2 статьи 583 ГК РФ. Норма данной статьи допускает установление конституирующей соответствующий договор обязанности выплачивать ренту только либо бессрочно (договор постоянной ренты), либо на срок жизни получателя ренты (договор пожизненной ренты). При этом прямо предусмотрено, что пожизненная рента может быть установлена на условиях пожизненного содержания гражданина с иждивением.

Брагинский М.И. указывает и на то, что «двучленное деление договора ренты нашло отражение и в ч. 2 ст. 601 ГК РФ. В ней предусмотрено, что к договору пожизненного содержания с иждивением, которому посвящен одноименный параграф гл. 33 ГК РФ, применяются, если иное не предусмотрено включёнными в него правилами, правила о пожизненной ренте. Для уяснения значения соответствующей нормы можно сравнить ее с имеющимися во многих главах ГК РФ отсылками к статьям, заведомо посвященным иным типам (видам) договоров. В подобных случаях законода-

---

¹⁰ См.: Витрянский В.В. Указ.соч. С. 76.

тель, формируя отсылочную норму, учитывает несоответствие, которое может повлечь за собой ее применение. Например, в ч. 2 ст. 567 ГК РФ, в которой предусмотрено, что на договор мены распространяются правила о договоре купли-продажи, приведенное указание снабжено оговоркой «если это не противоречит правилам настоящей главы и существу мены». Тем самым заведомо не исключается возможность возникновения ситуации, когда действие норм, являющихся адресатом отсылки, могло бы вступить в противоречие с моделью того договора, к которому должна применяться отсылочная норма.

С указанной точки зрения весьма симптоматично отсутствие в ч. 2 ст. 601 ГК РФ аналогичной оговорки. Это можно расценить только так, что пожизненное содержание с иждивением – подвид пожизненной ренты. А, естественно, расхождение между такими различными уровнями классификации, как род (тип) и вид, вид и подвид, заведомо не может иметь места. В результате следует прийти к выводу, что в данном случае ситуация аналогична той, которая сложилась и в главе «Купля-продажа». В ней выделены купля-продажа как род, поставка – как один из ее видов, а наряду с этим поставка товаров для государственных нужд и контрактация – в качестве подвидов соответствующего вида (поставки)»¹¹.

Сторонники третьей точки зрения придерживаются варианта, избранного ГК РСФСР 1964 года, в котором договор пожизненного содержания был урегулирован в рамках главы, посвящённой договору купли-продажи. «Купля-продажа жилого дома с условием пожизненного содержания продавца» закреплялась в ст. 253-254 данного Кодекса. Советский законодатель не поступился идеологическими принципами и разрешил такие отношения только для случаев отчуждения индивидуальных жилых домов нетрудоспособными гражданами другим гражданам, берущим на себя обязанности по пожизненному содержанию нетрудоспособного¹².

Из этого следует, что договор мог заключаться только между гражданами. Причем в качестве продавца мог выступать гражданин, нетрудоспособный по возрасту или состоянию здоровья (т.е. лица, достигшие возраста для назначения пенсии по старости: женщины 55, мужчины 60 лет, или лица, признанные в установленном порядке инвалидами 1, 2, 3 группы).

---

¹¹ Брагинский М.И. Указ. соч. С. 619.

¹² См.: Суханов Е. А. Указ.соч. С.352.

Считалось, что трудоспособный гражданин – собственник жилого дома не может претендовать на пожизненное содержание, иначе договор купли-продажи жилого дома был бы использован как источник паразитического существования. Более того, если отчуждатель (продавец) восстанавливал полностью трудоспособность, то договор считался прекращенным независимо от требования покупателя. Причем получателем ренты мог быть только сам продавец.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года предъявлял не только особые требования к субъектному составу сторон, но и предусматривал довольно жесткие основания расторжения договора (полное восстановление трудоспособности продавца, смерть покупателя при жизни продавца, изменение материального положения покупателя по независящим от него обстоятельствам, в результате чего он не в состоянии предоставлять продавцу обусловленное содержание), что способствовало забвению этого вида договора в 70-80-е годы.

И все же господствовавшей и до, и после принятия ГК РСФСР 1964 года была точка зрения, согласно которой в данном случае речь должна была идти о самостоятельном типе договора. При этом отмечались действительно присущие такому договору особенности, позволявшие отделить его от договора купли-продажи, а в их числе то, что имущество передавалось плательщику ренты исключительно в собственность, что был ограничен круг участников (получателем содержания мог быть только гражданин) и что отношения носили длящийся, стабильный характер, что, однако, не мешало другим авторам (см. ниже) относить договор пожизненного содержания к договору купли-продажи, причем в рассрочку. Кроме того, одно из условий договора, обеспечивающее соответствующий принцип гражданского оборота – эквивалентность отношений – был недостаточно определен.

С полным основанием С.А. Хохлов усматривает самостоятельность рассматриваемого договора в том, что в отличие от купли-продажи он предполагает иное встречное удовлетворение¹³. Развивая эту мысль, В.С.Ем справедливо подчеркивает, что «по договору купли-продажи покупатель выплачивает за товар (в том числе проданный с рассрочкой пла-

---

¹³ См.: Хохлов С.А. Рента и пожизненное содержание с иждивением // Российская юстиция. 1998. №6. С.34.

тежа) определенную цену. По договору же пожизненного содержания объем причитающегося получателю содержания является неопределенным, ибо обязательство по осуществлению содержания действует на срок жизни получателя»¹⁴. Это значит, что договору пожизненного содержания с иждивением присущ признак алеаторности (рискованности, от лат. *alea* – игральная кость, случайность).

Весьма точно выразил особенность этого договора М.И. Бару¹⁵. Он усматривал различие между договорами купли-продажи и пожизненным содержанием с иждивением в том, на что был направлен каждый из указанных договоров. Для одного из них это – было получение имущества в собственность, а для другого – материальная помощь стороне ее контрагентом. Именно по указанной причине можно было обратить внимание на то, что договор купли-продажи завершается переходом права собственности, а договор пожизненного содержания этим только начинается.

Соображения в пользу отнесения договора пожизненного содержания к разновидностям купли-продажи высказываются иногда и в настоящее время.

Оригинальную позицию занял А.Пахомов. Он пришел к выводу, что существует два вида договоров пожизненного содержания: один – поименованный в ГК и представляющий собой разновидность ренты, а другой, отличный от него, – договор купли-продажи квартиры с условием пожизненного содержания. И именно для второго целью является не «получение ренты», а удовлетворение потребности в натуре: «в жилище, питании, одежде, уходе и т.п.». В то же время для первого цель — это «выплата денежной суммы, определенной в договоре»¹⁶. Справедливости ради следует отметить, что ограничение ренты только деньгами не вполне соответствует конструкции, использованной в главе 33 ГК РФ. Но глава 30 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень видов договоров купли-продажи, а договор пожизненного содержания с иждивением отнесен законодателем к договору ренты (хотя прямо таковым не назван).

---

¹⁴ См В.С. Договор ренты // Законодательство.1999. С. 12.

¹⁵ См.:Бару М.И. Договорные обязательства о содержании//Ученые записки Харьковского юридического института, Харьков, 1948.С. 193.

¹⁶ См.: Пахомов А. Купля-продажа с правом пожизненного содержания.//Закон. 1998. №7. С. 120.

Противоречивость мнений, высказанных в научной литературе по обсуждаемому вопросу, наталкивает на мысль о нецелесообразности отнесения договора пожизненного содержания с иждивением вообще к какому-либо договору. Думается было бы более правильным выделить договор пожизненного содержания с иждивением в самостоятельный тип договора.

Во-первых, совершенно несправедливо сторонники первой рассмотренной точки зрения недооценили значение союза «и» в названии главы 33 ГК РФ. Определяя данную главу как «Рента и пожизненное содержание с иждивением» законодатель разделил эти два договора. Аналогичная конструкция применяется и в названии главы 42 ГК РФ «Заём и кредит», в которой договор займа и договор кредита представлены, как самостоятельные договорные типы, но, тем не менее, обладающие сходными признаками.

Во-вторых, различие между договорами ренты и рассматриваемым договором заключается в характере встречного обязательства. Так по договору ренты плательщик ренты обязуется взамен предоставленного в собственность имущества осуществить рентные платежи либо только в виде определенной денежной суммы (договор пожизненной ренты), либо вдобавок в виде предоставления вещей, выполнения работ, оказания услуг, соответствующих по стоимости денежной сумме (договор постоянной ренты). Целью этих платежей не является содержание лица как таковое.

Напротив, в договоре пожизненного содержания с иждивением встречным обязательством является пожизненное содержание: «обеспечение потребностей в жилище, питании, одежде, а если этого требует состояние здоровья гражданина, также и уход за ним, оплата ритуальных услуг.» (ч. 2 ст. 602 ГК РФ).

В толковом словаре русского языка С.И.Ожегова даны следующие определения понятий «содержание» и «иждивение»:

«Иждивение – обеспечение неработающего (больного, престарелого, несовершеннолетнего и т.п.) средствами, необходимыми для существования.»

«Содержание – средства, которые даются кому-нибудь для обеспечения существования»¹⁷.

В-третьих, особенность пожизненного содержания заключается в его предмете. Так как по договору пожизненного содержания с иждивением в

---

¹⁷ Ожегов СИ., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: – АЗБУКА, 1995. С.232, 732.

собственность лица, оказывающего содержание, передается недвижимостью, в частности – квартира, жилой дом, то нуждающееся лицо, как правило, остается жить в переданной квартире, доме, возможно даже и совместное проживание сторон договора. Из этого следует вывод, что договор пожизненного содержания с иждивением предполагает более тесную связь между сторонами договора.

Особенный субъектный состав договора и специфика отношений, складывающихся между сторонами, позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в название сторон и определить их как *содержатель* (лицо, предоставляющее содержание) и *иждивенец* (лицо, получающее содержание). Возможно, было бы правильным и более точно определить круг лиц, обладающих правом выступать в качестве иждивенца, и включить в него ту категорию граждан, которая имела право заключать данный договор в соответствии ГК РСФСР 1964 года.

В-четвёртых, если в договорах ренты отношения сторон ограничиваются периодической передачей (перечислением) денежных средств или иного оговоренного договором предоставления при отсутствии, как правило, личных контактов, то здесь стороны обычно постоянно взаимодействуют друг с другом. Возлагая на плательщика ренты обязанности по обеспечению потребностей в натуре, рентополучатель, как правило, хорошо знает это лицо, доверяет ему и имеет с ним психологический контакт. Замена рентоплательщика на другое лицо может оказаться для нуждающегося абсолютно неприемлемой. Сказанное позволяет квалифицировать договор пожизненного содержания с иждивением как договор, носящий доверительный (фидуциарный) характер. Этот признак является основным для разграничения рассматриваемых договоров.

Особый характер обусловлен социальной сущностью и назначением договора пожизненного содержания с иждивением. Например, необходимость в уходе может возникнуть после заключения договора. Но как только она возникает, то становится обязанностью рентоплательщика и должна быть исполнена с учетом сложившихся обстоятельств и обычно предъявляемых требований. Поэтому при разрешении спора между сторонами об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину, суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности (п. 3 ст. 602 ГК РФ). Вследствие этого физическое насилие, оскорбительное отношение плательщика ренты к гражданину, находя-

щемуся в материальной зависимости от него, должно рассматриваться как существенное нарушение обязательств, дающее нуждающемуся право потребовать возврата недвижимого имущества, переданного в обеспечение пожизненного содержания, либо выплаты ему выкупной цены на условиях, установленных законом (ст. 594 ГК РФ). Вот почему при оформлении этого вида сделок следует учитывать не только целый ряд имущественных аспектов, но и личностные взаимоотношения сторон в ходе исполнения договора.

Приведенные доводы, на наш взгляд, являются достаточными для того, чтобы определить договор пожизненного содержания с иждивением как самостоятельный договор, которому должна быть посвящена отдельная глава в Гражданском кодексе РФ.

Второй вопрос нашего исследования – это вопрос о правовой природе договора пожизненного содержания с иждивением.

Правовую природу любого гражданско-правового договора характеризует отнесение его к тому или иному виду, в частности по признакам сделки. Однако не всегда учёные-правоведы приходят к единому мнению относительно правовой природы договора.

Так, неоднозначная ситуация сложилась и с отнесением договора пожизненного содержания к числу реальных либо консенсуальных.

Деление договоров на реальные и консенсуальные основано на различии той роли, которую играет связанная с договором передача вещи (имущества). При реальном договоре передача – необходимый элемент его заключения, а потому: нет передачи – нет и договора. В отличие от этого консенсуальным считается договор, заключенный еще до передачи вещи, вследствие чего собственно передача составляет элемент содержания (исполнения) договора.

Имея в виду указанный критерий, легальное определение реального договора должно содержать формулу «передает в собственность», а консенсуального – «обязуется передать в собственность».

На первый взгляд всё просто. Действующий ГК РФ в определении договора пожизненного содержания с иждивением (п. 1 ст. 601) предусмотрел, что получатель ренты «передает... в собственность имущество». Тем самым Кодекс сохранил тот же, присущий всем реальным договорам, признак: заключение договора требует передачи вещи (имущества). А значит договор пожизненного содержания с иждивением – реальный договор.

О *реальности* договора А. Мамаев отмечает, что даже если стороны составили письменный документ и заверили его у нотариуса, до момента передачи вещи плательщику ренты этот договор не считается заключенным, вследствие чего права и обязанности по данному договору не могут возникнуть.

Однако, если согласиться с такой точкой зрения, можно прийти к выводу, что подлежащий государственной регистрации договор пожизненного содержания с иждивением будет считаться заключенным только с момента передачи недвижимого имущества плательщику ренты. Но такое предложение вступает в прямое противоречие с содержанием ч. 3 ст. 433 ГК РФ.

Не менее интересными являются и другие соображения, высказанные в литературе по поводу все того же вопроса – о реальном или консенсуальном характере договора ренты.

Прежде всего это относится к толкованию п. 2 ст. 585 ГК. Совершенно справедливо обращается внимание на то, что в зависимости от «платности» или «бесплатности» содержания применению подлежат соответствующие нормы о купле-продаже или дарении¹⁸. Но одновременно не учитывается, на наш взгляд, существующая в самой этой статье оговорка, которая допускает применение норм соответственно гл. 30 и 32 лишь субсидиарно. В редакции ст. 585 ГК это звучит так: «...поскольку иное не установлено правилами настоящей главы и не противоречит существу договора пожизненного содержания с иждивением». По этой причине следует признать слишком категоричным указание на то, что только «предписания п. 2 ст. 585 ГК необходимо иметь в виду при решении вопроса о реальности или консенсуальности договора ренты».

Так В.С. Ем считает, что договор пожизненного содержания с иждивением может быть одновременно и реальным и консенсуальным. В то же время он говорит, что «следует учитывать фактор необходимости государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом. Следовательно, права и обязанности сторон договора возникнут только после государственной регистрации. В этом случае о консенсуальности или реальности договора говорить не приходится, так как его правообразующая сила возникнет только во взаимосвязи с другим юридическим фактом – актом государ-

---

¹⁸Мамаев А. Противоречивость конструкции договора ренты.// Росс. Юст. №9. С.17.

ственной регистрации»¹⁹. Аналогичной точки зрения придерживается и З. Цыбуленко²⁰.

Анализируя все изложенные позиции, приходим к выводу: реальный договор пожизненного содержания с иждивением (именно об этом говорит ст.601 ГК), который считается заключенным с момента передачи недвижимого имущества, подлежит ещё и государственной регистрации и с этого же момента является заключенным (такой вывод следует из содержания ст. 433 ГК РФ). Такая парадоксальность вызвана упущениями со стороны законодателей, ибо институт государственной регистрации договора, на наш взгляд, применим лишь к конструкции консенсуальных договоров, т.к. акт государственной регистрации договора и является достижением согласия между сторонами сделки. Напомним, что с момента достижения согласия консенсуальная сделка считается заключенной.

Для устранения несоответствия норм закона А. Мамаев предлагает изменить конструкцию договора пожизненного содержания и сделать его консенсуальным²¹. Думается, его предложение не может быть принято, т.к. в этом случае договор теряет свою защитную функцию. В этом случае к отношениям сторон по договору пожизненного содержания будут применяться, в частности, ст. 456 ГК РФ «Обязанности продавца по передаче товара», ст. 460 «Обязанность продавца передать товар свободным от прав третьих лиц», ст. 463 «Последствия неисполнения обязанности передать товар» и т.д. Таким образом, на получателя ренты возлагаются обязанности передать имущество лицу, осуществляющему содержание, в обусловленный срок, в обусловленном количестве и качестве, свободным от прав третьих лиц, а также передать принадлежности и документы, относящиеся к имуществу. За неисполнение этих обязанностей получатель ренты несет ответственность, предусмотренную соответственно правилами о купле-продаже и дарении.

Однако очень важно при решении вопроса о том, каким должен быть договор учитывать мотивы, которыми руководствуется обычно законодатель при выборе между реальной и консенсуальной моделями соответствующего договора.

---

¹⁹ См. В.С. Указ.соч. С. 12.

²⁰ См.: Цыбуленко З. Указ.соч. С.15.

²¹ См.: Мамаев А. Указ. соч. С.17.

Так, Брагинский М.И. пишет, что «необходимость в конструкции реального договора появляется тогда, когда законодатель считает необходимым защитить ту из сторон, которой предстоит передать вещь другой стороне²². Это связано с тем, что при консенсуальном договоре сторона может понудить контрагента исполнить в натуре эту принятую им на себя обязанность (передать вещь). Применительно к договору пожизненного содержания это означало бы возможность для плательщика ренты потребовать от получателя ренты, заведомо более слабой и нуждающейся поэтому в особой защите стороны, передать соответствующее имущество под предоставление содержания. Реальная модель договора защищает получателя ренты от такого требования».

Таким образом, договор пожизненного содержания с иждивением должен считаться заключенным с момента передачи недвижимости плательщику ренты.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в ряд статей ГК РФ следует внести изменения:

1) в п. 2 ст. 433 и после слов «с момента передачи соответствующего имущества (ст. 224)» добавить «за исключением случая, предусмотренного пунктом 3 настоящей статьи», что позволит разрешить путаницу при определении момента заключения реальных и консенсуальных договоров;

2) для определения договора пожизненного содержания как реального из ст. 584 ГК РФ следует исключить положение о необходимости государственной регистрации договора. Это касается и других реальных договоров, в правовом регулировании которых имеются указанные противоречия (договор дарения);

3) с той же целью из ст. 585 необходимо исключить отсылки к договорам купли – продажи и дарения;

4) нормы, регулирующие отношения договора пожизненного содержания с иждивением, необходимо выделить в отдельную главу ГК РФ.

---

²² Брагинский М.И. Указ. соч. С. 620.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Липинский Дмитрий Анатольевич – заведующий кафедрой общеправовых дисциплин Самарской гуманитарной академии (филиал в г. Тольятти), доктор юридических наук

Медведев Валентин Григорьевич – профессор кафедры права Филиала Самарского государственного университета в г. Тольятти, доктор юридических наук

Хачатуров Рудольф Львович – профессор кафедры права Филиала Самарского государственного университета в г. Тольятти, доктор юридических наук

Юдина Татьяна Федоровна – доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского государственного университета, кандидат исторических наук

Вершинина Светлана Ивановна – заведующая кафедрой права Филиала Самарского государственного университета в г. Тольятти, кандидат юридических наук

Гранат Максим Андреевич – преподаватель кафедры права Филиала Самарского государственного университета в г. Тольятти, кандидат юридических наук

Беницкий Андрей Сергеевич – начальник кафедры уголовного права Луганского государственного университета внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент

Якимов Олег Юрьевич – адвокат Палаты адвокатов Самарской области, кандидат юридических наук

Кожевников Олег Александрович – заместитель прокурора Автозаводского района г. Тольятти, кандидат юридических наук

Романова Вера Витальевна – ООО «Инком-Центр», юрист, аспирант кафедры теории государства и права Волжского университета им. В.Н. Татищева

Рыбалко Юрий Иванович – Расчетно-кассовый центр г. Тольятти, юрист, доцент Тольяттинского филиала института коммерции и права, кандидат педагогических наук

Сергеев Алексей Викторович – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Волжского университета им. В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета, депутат Самарской Губернской Думы

Волков Владислав Эдуардович – старший преподаватель кафедры государственного и административного права Самарского государственного университета

Полянский Виктор Владимирович – заведующий кафедрой государственного и административного права Самарского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор

Маркова Олеся Александровна – ассистент кафедры права Филиала Самарского государственного университета в г.Тольятти

